

Девушка А

Автор:

Эбигейл Дин

Девушка А

Эбигейл Дин

Всемирный бестселлер

Вы не знаете меня, но мое лицо наверняка вам знакомо. В самом начале на фотографиях нам не просто размывали лица – нас забивали пикселями по пояс, потому что выдать нас могли даже волосы. Но время шло, история сдувалась, наши защитники – тоже, и в темных уголках интернета стало легко отыскать неотредактированные снимки. Самый популярный – тот, где мы сентябрьским вечером стоим на фоне дома на Мур Вудс-роуд.

Эбигейл Дин

Девушка А

First published by Harper Collins Publishers 2021

Copyright © Abigail Dean 2021

Abigail Dean asserts the moral right to be identified as the author of this work

All rights reserved

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

Jacket design by Claire Ward

© Harper Collins Publishers Ltd 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Маме, папе и Ричу

1. Лекс (Девочка А)

Вы не знаете меня, но мое лицо наверняка вам знакомо. В самом начале на фотографиях нам не просто размывали лица – нас забивали пикселями по пояс, потому что выдать нас могли даже волосы. Но время шло, история сдувалась, наши защитники – тоже, и в темных уголках интернета стало легко отыскать неотредактированные снимки. Самый популярный – тот, где мы сентябрьским вечером стоим на фоне дома на Мур Вудс-роуд. Выйдя из дома, мы шестером встали по росту, а Итан держал на руках Ноя; Отец тем временем выстраивал общую композицию. На заднем плане – дом в лучах заходящего солнца; дверь и окна отбрасывают тени. Мы стояли не двигаясь и смотрели в объектив. Фото должно было получиться идеальным. Но прямо перед тем, как Отец нажал кнопку, Эви сжала мою ладонь, повернула голову и поглядела на меня снизу вверх. Так мы и остались на той фотографии: она вот-вот скажет мне что-то, мои губы изгибаются в улыбке. Не помню, что она тогда произнесла, но точно знаю: потом мы за это поплатились.

В тюрьму я приехала немного за полдень. Дорогой слушала «Доброго дня!» – плейлист, который составил еще Джей Пи; когда я заглушила мотор, в салоне резко повисла тишина. Открыла дверцу – мчавшиеся по трассе машины шумели, как океан.

Администрация тюрьмы сделала краткое заявление, подтверждавшее смерть Матери. Я прочла несколько онлайн-статей накануне вечером, все они были формальными и, с разными вариациями, заканчивались оптимистично. Считалось, что у детей Грейси, часть из которых уже перестала скрываться, все хорошо. Я сидела в одном полотенце на кровати в гостиничном номере, разложив вокруг себя ужин, и смеялась.

На завтраке возле кофемашины я увидела газетную стойку. Фотография Матери была на первой полосе, ниже – статья о поножовщине в «Вимпи Бургере». Тихий денек...

В стоимость моего номера входил шведский стол, и я сидела в ресторане и ела без конца, пока не подошла официантка и не сказала, что в кухне начинают готовиться к обеду.

– Неужели кто-то приходит на обед? – спросила я.

– Вы и не представляете, сколько народу, – ответила она. И тут же добавила, как бы извиняясь: – Но обед не включен в стоимость вашего номера, к сожалению.

– Да-да, конечно, – сказала я. – Спасибо. Все было на уровне.

Когда я только начинала работать, Джулия Девлин, моя наставница, говорила: наступит время – и я стану равнодушна к бесплатной еде и алкоголю. Огромные блюда с изысканными канапе перестанут меня будоражить, и я уже не буду вскакивать по будильнику, лишь бы не пропустить начало завтрака.

Что ж, Джулия часто оказывалась права, но не в этом случае.

Тюрьму я никогда не посещала, но она была почти такой, какой я себе ее и представляла. Сразу за парковкой – белые стены, увенчанные колючей проволокой. Дразняще неприступные, как в сказке. За ними – четыре башни, возвышающиеся над бетонным рвом, и серая крепость в центре. Ничтожная жизнь Матери.

Я припарковалась слишком далеко, и мне пришлось пересечь море пустого пространства; я шла по широким белым линиям разметки там, где это было

возможно. На стоянке обнаружилась всего одна машина кроме моей: какая-то старушка сидела в салоне, крепко вцепившись в руль. Увидев меня, она помахала, как будто мы были знакомы, и я махнула ей в ответ.

Асфальт под ногами плавился от жары, подошвы слегка к нему прилипали. Я вся вспотела, пока добралась до входа: грудь под бюстгальтером, волосы, шея сзади – все было влажным. Моя летняя одежда осталась в Нью-Йорке. Я помнила, что лето в Великобритании обычно робкое, и теперь беззастенчиво-синее небо всякий раз, как выходила на улицу, ошеломляло меня. Утром я битый час проторчала перед зеркалом полуголая – выбирала, чего бы такого надеть. Случай-то все-таки особый. В итоге – белая рубашка, свободные джинсы, новенькие кроссовки, дерзкие темные очки. «Не слишком бодренько?» – набрала я текст поверх селфи и отправила сообщение Оливии, но она была на свадьбе в Италии, на стенах Вольтерры[1 - Одна из главных архитектурных достопримечательностей Тосканы. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.], и не ответила мне.

Меня встретила девушка-администратор, как в каком-нибудь офисе.

– Вам назначено? – спросила она.

– Да, меня ждет начальница тюрьмы.

– Директор?

– Точно, директор.

– Вы – Александра?

– Да.

Начальница встретила меня в холле.

– По субботам после обеда у нас работает неполный штат, – сказала она. – И никаких посетителей после трех часов. Так что никто нам не помешает.

– Как раз то что надо, – ответила я. – Спасибо.

– Я, конечно, не должна этого говорить, но это идеальное время для какого-нибудь грандиозного побега.

Начальница шла по коридору, заполняя собой все пространство. Я читала о ней в интернете.

Первая женщина-директор учреждения строгого режима, после назначения она дала несколько интервью и рассказала, что собиралась стать полицейским, но тогда предъявляли строгие требования к росту и ей не хватило пяти сантиметров. Позже выяснилось: по росту она проходит в тюремные надзиратели – логики никакой, но она согласилась.

На ней был синий костюм оттенка электрик – в нем же начальница красовалась на снимках, размещенных рядом с интервью, – и неуместно изящные туфельки, как будто кто-то сказал ей, что они делают образ мягче. Она верила – абсолютно и безоговорочно – в раскаяние и перевоспитание.

Сейчас она выглядела гораздо более уставшей – чего не скажешь о ней, когда смотришь на те самые ее фотографии.

– Александра, – она взяла меня за руку, – я скорблю о вашей потере.

– А я – нет. Так что не переживайте.

Она махнула рукой в ту сторону, откуда пришла:

– Я прямо из зоны для посетителей. Прошу вас.

Коридор тепло-желтого цвета, потертые плитусы, на стенах сморщенные постеры с информацией о беременности и медитациях. В самом конце – рамка металлоискателя, конвейерная лента и интроскоп для проверки личных вещей. Стальные ячейки камер хранения от пола до потолка.

– Формальности, – пояснила начальница. – По крайней мере, здесь всегда пусто.

– Прямо как в аэропорту, – сказала я, вспомнив, как вылетала из Нью-Йорка два дня назад. Серый лоток, в нем ноутбук, наушники и изящная прозрачная косметичка, которую я пристроила рядышком. Для тех, кто летает часто, есть отдельный проход, и мне никогда не приходилось стоять в очереди.

– Да, это точно.

Начальница выгрузила содержимое карманов и прошла через рамку. На конвейере оказались ее рабочий пропуск, розовый веер и детский солнцезащитный крем.

– Мы все в семье рыжие, – пояснила она. – Совсем не приспособлены к таким солнечным дням.

С фотографии на пропуске смотрела молоденькая девушка, которой, казалось, не терпелось приступить к работе.

Мои карманы пустовали, и я просто отправилась следом за начальницей.

Внутри тоже никого не оказалось. Мы прошли через зону для посетителей. Пластиковые столы и закрепленные стулья неподвижно стояли в ожидании следующего сеанса свиданий. В другом конце помещения обнаружилась металлическая дверь без окошек, и я подумала, что где-то за ней жила Мать – там начинался и заканчивался каждый из ее ничтожных дней. Я коснулась одного из стульев мимоходом и представила, как мои сестра и брат сидели здесь, в этой душной комнате, и ждали, пока к ним выведут Мать: Далила часто ее навещала, а Итан пришел однажды – продемонстрировать благородство. Потом он еще написал заметку в *The Sunday Times*, она называлась «Трудности прощения». Трудностей у него отыскалось много, и все они оказались вполне предсказуемы.

В кабинет директора вела другая дверь. Начальница поднесла пропуск к стене и охлопала себя в поисках последнего ключа, который оказался в левом нагрудном кармане. К нему был прикреплен прозрачный кармашек с фотографией, полной рыжеволосых детей.

– Ну вот, – сказала она. – Мы пришли.

Шероховатые стены, окна с видом на автотрассу – кабинет не впечатлял. Видимо, понимая это, хозяйка решила, что так не годится, и в помещении появились солидный письменный стол из дерева и офисное кресло. У нее нашлись средства и на два кожаных дивана – для разговоров по душам. На стенах висели ее дипломы и карта Соединенного Королевства.

– Мы с вами совсем не знакомы, но я хотела бы кое-что сказать вам, прежде чем к нам присоединится адвокат.

Она махнула рукой в сторону диванов. Я терпеть не могла вести официальные беседы на мягкой мебели: никогда не знаешь, как лучше сесть. На столике перед нами лежали картонная коробка и тонкий коричневый конверт, на котором были написаны имя и фамилия Матери.

– Надеюсь, вы не расцените это как бестактность, – начала она, – но я помню вас и вашу семью по тогдашним новостям. Мои дети были совсем маленькими. Те заголовки – они долго не шли у меня из головы, даже когда я еще не устроилась сюда. Здесь у нас чего только не увидишь. Что-то попадает на полосы газет, что-то – нет. И даже спустя столько лет некоторые истории – их совсем мало – все же поражают меня. Знакомые спрашивают: «Неужели ты еще чему-то удивляешься?» Что ж, я отказываюсь не удивляться.

Она вытащила веер из кармана костюма. Теперь можно было разглядеть, что его сделал или ребенок, или кто-то из заключенных.

– Ваши родители удивили меня, – подытожила она.

Я смотрела мимо нее – солнечный луч подрагивал на оконной раме, стремясь ворваться в комнату.

– То, что вы пережили, – ужасно. Все мы, кто работает здесь, надеемся, что вы сумеете это преодолеть, и желаем вам обрести покой.

– Если вы не против, давайте все же перейдем к тому, зачем я приехала, – сказала я.

Адвокат стоял за дверью наготове, как актер, ожидающий своего выхода. На нем был серый костюм с веселеньким галстуком, и адвокат в нем сильно потел.

Он присел на диван, кожаная обивка скрипнула. Представился:

- Билл. - И тут же снова вскочил, чтобы пожать мне руку.

Ворот его рубашки промок от пота и стал таким же серым, как костюм.

- Я знаю, - сразу продолжил он, - что вы тоже юрист.

Он оказался моложе, чем я ожидала. Может, даже младше меня. Вероятно, мы учились в университетах примерно в одно время.

- Всего лишь штатный юрист в компании, - ответила я и, чтобы придать ему уверенности, добавила: - Я ничего не смыслю в завещаниях.

- Ничего, как раз для этого я и здесь.

Я улыбнулась ему ободряюще.

- Что ж, тогда приступим, - произнес Билл и побарабанил пальцами по коробке. - Это личные вещи, а этот документ - ее последняя воля.

Он пододвинул ко мне конверт, я взяла его и вскрыла. В завещании, написанном Маминым нетвердым почерком, было сказано, что Дебора Грейси назначает дочь, Александру Грейси, исполнителем своей воли; что все имущество Деборы Грейси, состоящее: первое - из личных вещей, находящихся в тюрьме Ее Величества Нордвуд; второе - из двадцати тысяч фунтов стерлингов, унаследованных ею от мужа, Чарльза Грейси, после его кончины; третье - из недвижимого имущества, расположенного по адресу: Холлоуфилд, Мур Вудс-роуд, 11, - надлежит разделить поровну между всеми ныне здравствующими детьми Деборы Грейси.

- Исполнителем, - повторила я вслух.

- Насколько я понял, она была уверена, что вы справитесь, - сказал Билл.

Я рассмеялась. Мне представилась Мать, сидящая в камере: как она перебирает светлые волосы, длинные-предлинные, достигающие до самых колен. Она могла спокойно сидеть на них – это была ее фишка. Она составляет завещание под руководством Билла, который жалеет ее и от души желает помочь – и потеет, совсем как сейчас. У него куча вопросов, а Мать держит ручку, и ее бьет дрожь напускного отчаяния.

– Быть исполнителем, – объясняет ей Билл. – Это почетно. Правда, с другой стороны, – это, конечно, административная ответственность; кроме того, исполнитель обязан общаться с бенефициарами[2 - В данном контексте бенефициары – это все остальные лица, которые получают наследство помимо исполнителя воли.].

И Мать – с пожирающим ее желудок раком, сознающая, что издеваться над нами ей осталось считанные месяцы, – точно знает, кого ей назначить.

– Вы не обязаны за это браться, если не хотите, – сказал мне Билл.

– Я понимаю.

Билл повел плечами.

– Давайте я объясню вам самое основное. Наследство не очень большое, это не займет много времени. Самое главное – то, о чем важно не забывать, – это держать бенефициаров в курсе. Как бы вы ни решили распорядиться наследством, в первую очередь вам следует получить на то согласие ваших родственников.

У меня был забронирован билет назад до Нью-Йорка на завтрашний дневной рейс. Я подумала о прохладном воздухе салона, об аккуратненьких меню, которые раздают сразу после взлета. Представила, как после трех дней, убитых напитками из бара, я погружаюсь в путешествие, затем просыпаюсь – а снаружи теплый вечер, и черная машина ждет меня, чтобы отвезти домой.

– Мне нужно все обдумать, – сказала я. – Сейчас не самое подходящее время.

Билл подал мне листочек в линейку; имя и номер телефона были написаны от руки. Визитки тюремным бюджетом не предусмотрены.

– Буду ждать от вас звонка. И если вы не захотите, то, может, подскажете, кто захотел бы? Кто-то еще из бенефициаров, возможно?

Я представила, как предлагаю это Итану, Гэбриелу или Далиле, и ответила:

– Возможно.

– Для начала, – произнес Билл, держа картонную коробку на ладони, – вот все личные вещи вашей матери, которые она хранила тут, в Нордвуде. Я могу оформить их передачу уже сегодня.

Коробка почти ничего не весила.

– Боюсь только, что они не имеют никакой ценности, – продолжил он. – Тут благодарности и поощрения за образцовое поведение и тому подобные вещи, но вне этих стен они бесполезны.

– Вот досада, – съязвила я.

– Кроме этого, – уточнила начальница, – остается еще тело.

Она подошла к письменному столу и вытащила из ящика папку на кольцах, с пластиковыми карманами внутри. В каждом из них был рекламный листок или буклет. Она раскрыла передо мной эту папку, как официант раскрывает меню в ресторане, – мелькнули соболезнующие лица, траурный шрифт.

– Вот здесь можно выбрать, – и она перевернула страницу, – если хотите, разные бюро похоронных услуг. В некоторых брошюрах довольно подробная информация: можно посмотреть, какие услуги они предлагают, гробы и все такое. Все находятся неподалеку, километров девяносто – сто.

– Боюсь, вы не понимаете, – произнесла я.

Начальница захлопнула папку на странице с леопардовым гробом.

- Мы не будем забирать тело.

- Вот как? - Билл был потрясен.

Начальница тюрьмы осталась невозмутимой. Или же она хорошо скрывала чувства.

- В этом случае, по нашему негласному внутреннему распорядку, мы похороним вашу мать в безымянной могиле. Если не возражаете.

- Нет, - ответила я. - Абсолютно никаких возражений.

Мне предстояла еще одна встреча - с тюремной капелланшей, она хотела о чем-то со мной поговорить. Попросила прийти в часовню для посетителей, которая располагалась на парковке. Одна из помощниц директора проводила меня в небольшой приземистый флигель. Над входом - деревянный крест, окна украшены цветной гофрированной бумагой - витражи, сотворенные, казалось, детскими руками. Скамьи в шесть рядов, перед ними - самодельный помост с рипидой и аналоем, среднего размера распятие.

Священнослужительница сидела на второй от входа скамье. Она поднялась мне навстречу; все в ней было округлым и влажным: лицо в полумраке, белое одеяние, маленькие ладони, сжавшие мои руки.

- Александра?

- Здравствуйте.

- Вы, должно быть, недоумеваете, зачем я позвала вас?

Ее тон отличался той мягкостью, которая достигается путем многих тренировок. Я так и видела, как с бейджиком на груди она сидит в конференц-зале какой-нибудь дешевой гостиницы и внимательно смотрит презентацию, и в этой презентации объясняется, что паузы в разговоре очень важны, ведь они дают собеседнику возможность высказаться.

Я промолчала.

Не дождавшись от меня ответа, она продолжила:

– Последние несколько лет я проводила с вашей матерью довольно много времени. Я, конечно, и раньше с ней работала, но в последние годы стала замечать некоторые изменения в ней. Я подумала, быть может, это послужит вам утешением в столь скорбный день.

– Изменения? – повторила я, чувствуя, как мои губы расползаются в ухмылке.

– Она писала вам много раз за прошедшие годы. И вам, и Итану, и Далиле. Я слышала обо всех вас. Гэбриелу и Ною. Дэниелу и Эви она тоже писала. Матери, каких бы грехов она ни натворила, страшно терять детей – а она потеряла так много. Все свои письма она приносила мне, чтобы я исправляла ошибки и проверяла адреса. Она все думала, раз вы не отвечаете, значит, адреса не те.

Солнечные лучи проникали в часовню сквозь гофрированную бумагу и заливали проход между скамьями радужным светом. Взглянув на украшения на окнах в первый раз, я подумала, что, может, это творение заключенных; теперь же мне представилось, как сама капелланша, окончив службу, взбирается на стул и наводит красоту в своем Царствии божием.

– Я позвала вас, чтобы поговорить о прощении, – сказала она. – Ибо если вы простите тех, кто грешил против вас, наш Небесный Отец тоже простит вам ваши грехи.

Она положила руку мне на колено, и от ее ладони мне через джинсы передалось – точнее, будто пролилось – тепло.

– Но если не простите вы, то и вам не будет прощения.

– Прощение. – Это угловатое слово будто застряло у меня в горле, я по-прежнему улыбалась.

– Вы их получали? – спросила она. – Ее письма?

Я получала их. Все до единого. Я просила Папу – я говорю о моем настоящем отце; не о том, от чьей гнилой плоти я родилась, – уничтожать каждое из этих писем, когда они будут приходить. То, что это письмо от заключенного Нордвудской тюрьмы, можно было понять по штемпелю и пометке.

Вскоре после того, как мне исполнился двадцать один год и я приехала домой на каникулы, Папа пришел ко мне с коробкой в руках, доверху набитой этими мерзкими письмами, – и признанием. «Я просто подумал... когда подрастешь, может, захочешь взглянуть...»

Наверное, это случилось на зимних каникулах, потому что барбекю-гриль перенесли в сарай, стоявший в саду. Папа помог мне разжечь его. Мы стояли там, в пальто – он со своей трубкой, я с чашкой чая в руке – и кидали письма в огонь, одно за другим.

– Мне кажется, у вас сложилось неправильное представление, – сказала я священнослужительнице. – Бывает – и вы часто это наблюдали, – что из таких историй выходит толк. Преступник ждет, что к нему придут, надеясь вымолить у пришедшего прощение. Тот, кого заключенный ждет, может годами сомневаться, стоит ему приходить или нет. Но в конце концов все же решается и приходит, и между ними – между родителем и ребенком или преступником и его жертвой – происходит разговор. И даже если в итоге этого разговора заключенный не получает прощения, они все равно оба что-то да вынесут из этой встречи. Моя же мать, как вы знаете, мертва. И я не навещала ее – никогда.

Слезы предательски подступили к глазам, и, чтобы скрыть их, я опустила на глаза солнечные очки. В сумраке капелланша превратилась в белое округлое привидение.

– Ничем, к сожалению, не могу вам помочь, – бросила я невпопад и, спотыкаясь, попятилась к выходу.

Солнце, наконец, немного смягчилось – самое время что-нибудь выпить. Мне представились гостиничный бар, первый бокал, наливающиеся ленивой тяжестью руки и ноги.

Помощница директора ждала меня снаружи.

– Вы закончили? – спросила она.

Тени, черные и длинные, тянулись за нами по асфальту. Когда я подошла к ней, они слились, превратившись в странного, причудливого зверя.

Ее смена, наверное, закончилась.

– Да, мне пора, – ответила я.

Оказавшись в машине, я проверила телефон. «Разве бодренько бывает слишком?» – написала Оливия в ответ на мое утреннее сообщение.

Поставив коробку с вещами Матери на колени, я открыла крышку. Всякая всячина: Библия (кто бы сомневался?), расческа, две журнальные вырезки, скрепленные скотчем. На одной – реклама пляжного отдыха в Мексике, на другой – реклама пеленок: счастливые, чистенькие младенцы лежат рядом на белой простыне. Еще газетная вырезка со статьей о благотворительной работе Итана в Оксфорде. Три плитки шоколада и тюбик из-под помады. Она и здесь ничего не выбрасывала.

В последний раз я видела Мать в тот день, когда сбежала. Я проснулась утром в грязной постели и поняла, что мое время вышло – я так и умру здесь, если ничего не сделаю.

Иногда, в мыслях, я возвращаюсь в нашу комнатушку. Две узкие кровати зажаты в противоположных углах, как можно дальше друг от друга: одна – моя, другая – Эви. С потолка свисает голая лампочка – когда кто-то идет по коридору, она болтается из стороны в сторону. Обычно лампочка не горит, но иногда Отец включает ее, и тогда она светит целыми днями.

Он запечатал окно распрявленной картонной коробкой, намереваясь самолично контролировать время суток, но тусклый коричневатый свет, пробивающийся сквозь эту коробку, дарит нам настоящие дни и ночи. За картоном начинается сад, за ним – вересковый луг. Сейчас как-то слабо верится, что те места – с их дикостью, их атмосферой – все еще существуют.

В торфяном полумраке между нашими кроватями можно различить Территорию, которую мы с Эви знали как свои пять пальцев. Месяцами обсуждали мы, как добраться от моей кровати до ее. Мы знали, как пересечь покатые холмы из полиэтиленовых пакетов, набитых чем-то – мы уже и сами не помнили чем. Мы использовали пластиковую вилку, чтобы переправиться через Тазиковые болота – почерневшие, загустевшие, почти пересохшие. Мы спорили, как лучше преодолеть Пластиковые горы, чтобы не вляпаться в самую грязь: по верхам, рискуя что-нибудь задеть, или же по туннелям, пролегавшим в гниющей под низом массе, внутри которых нас ожидало неизвестно что.

Той ночью я снова обмочилась. Изогнув лодыжки и растопыбив пальцы на ногах, я забултыхала ими в воздухе, как будто плыла, – я делала так каждое утро вот уже несколько месяцев. Два. А может быть, и три. Я сказала комнате те слова, что приготовила для первого человека, который встретится мне, когда я буду на свободе: «Меня зовут Александра Грейси, мне пятнадцать лет. Позвоните в полицию, это очень важно». Затем я, как всегда, повернулась, чтобы взглянуть на Эви.

Раньше, когда нас приковывали одинаково, я всегда видела Эви. Теперь же мы лежали в противоположных направлениях, валетом, и нам приходилось изгибаться, чтобы встретиться взглядами. Я видела лишь ее ступни и костлявые ноги. Кожа собралась во впадинках, словно ища тепла.

Эви говорила все реже и реже. Я и уговаривала, и кричала – подбадривала ее, пела песни, которые мы слышали в школе, когда еще ходили туда.

– А теперь – твоя очередь. Готова?

Бесполезно. Вместо того чтобы учить с ней числа, я повторяла их сама. Рассказывала ей сказки в темноте, но она не смеялась, не задавала вопросов, не издавала удивленных возгласов; слышались лишь безмолвие Территории и прерывистое дыхание Эви.

– Эви, – сказала я. – Сегодня у нас получится.

Назад в город я ехала в сумерках. Солнечные лучи еще проскальзывали меж деревьев и заливали густым золотом поля, но деревенские коттеджи и

фермерские дома почти утонули в тени. Проехав всю ночь, я добралась до Лондона к рассвету. Смена часовых поясов так подействовала на меня, что всё вокруг казалось странно отчетливым. Если бы я продолжила в том же духе, то спать мне пришлось бы где-нибудь на обочине в Мидлендсе – так себе перспектива. Поэтому на одном из автопривалов я остановилась, нашла гостиницу в Манчестере, в которой были свободные номера с кондиционерами, и забронировала один.

* * *

В первый год, когда все стало плохо, мы только о побеге и говорили. Это была Эпоха привязывания: нас привязывали только по ночам, не туго, мягкими белыми тряпками. Мы с Эви спали в одной постели, держа друг друга за руку; вторая рука и у меня, и у нее была привязаны к ножкам кровати.

Мать и Отец все время проводили с нами, но периодически мы чем-нибудь занимались (подробно изучали Библию – какая-никакая всемирная история); делали физические упражнения (возле дома в штанах и майках; дети из Холлоуфилда пробирались иногда сквозь крапивные заросли на заднем дворе, только чтобы поглазеть на нас и погоготать); перекусывали (хлебом да водой – и то не каждый день). Кроме того, в течение дня мы могли перемещаться свободно, без ограничений. Наш знаменитый снимок сделан как раз в конце Эпохи привязывания; потом началась Эпоха цепей, и мы, даже по меркам наших родителей, выглядели уже совсем не для фотосессий. Мы обсуждали между собой, что тряпки, которыми нас привязывали, можно разорвать зубами; что можно стянуть нож и вынести его из кухни в кармане рубахи. Бегая во дворе, разогнаться, пронестись не останавливаясь через садовую калитку и припустить вниз по Мур Вудс-роуд. В кармане у Отца лежал мобильный телефон – его просто стащить. Вспоминая то время, я всегда терзаюсь сомнениями, развеять которые оказались бессильны даже весомые доводы доктора Кэй. В глазах полицейских, журналистов, медсестер я видела один и тот же вопрос, но задать его так никто и не решился: «Почему вы просто не ушли от них, когда это еще было возможно?»

На самом деле, тогда все не казалось таким уж страшным. Нам все равно было весело друг с другом. Да, мы уставали, иногда голодали, Отец бил нас время от времени – он, например, мог ударить так, что налившийся кровью глаз не проходил целую неделю (как у Гэбриела), или в груди, под сердцем, после удара

его кулака слышался странный треск (как у Дэниела). Но мы и предположить не могли, чем все это обернется. Как школьник в библиотеке вытирает пыль с книг, внимательно просматривая каждую полку, так и я ночь за ночью прочесывала воспоминания в поисках того самого момента, когда нужно было понять: так дальше нельзя – пора действовать. Но нужная книга неизменно ускользала от меня. Ее давным-давно выдали на руки и так и не вернули обратно. Отец учил нас за кухонным столом, принимая повиновение за преданность, Мать заходила к нам перед сном – убедиться, что мы привязаны. Я просыпалась рано утром рядышком с Эви, чувствуя ее тепло. Мы говорили о будущем.

Все было не так страшно.

* * *

Сначала я поговорила с Девлин, спросила ее, можно ли мне поработать из Лондона недельку. Или больше.

– Трагедия последней воли, – сказала она. – Какая захватывающая история!

В Нью-Йорке было едва за полдень, и Девлин, уже слегка опьяневшая, ответила тотчас. Судя по слышавшемуся в трубке гомону, она находилась в каком-то кафе или баре.

– Не то слово, – ответила я.

– Будь по-твоему. Найдем тебе рабочее место в Лондоне, не волнуйся. И работу тоже найдем.

Мама и Папа сейчас обедают, с ними можно связаться и попозже. Я набрала Итана, трубку взяла его невеста; он – на открытии галереи, вернется только поздно вечером. Она знает, что я прилетела, они ждут меня в гости – будут очень рады повидаться. Далиле я оставила сообщение на автоответчике, хотя вряд ли она перезвонит. Напоследок я поговорила с Эви. Она была не дома – рядом раздавался чей-то смех.

– Ну, – сказала я, – ведьма, кажется, мертва.

- Ты видела тело?

- Боже упаси. Я не захотела смотреть.

- Но тогда... это точно? Ты уверена?

- Вполне уверена.

Я сказала ей про дом на Мур Вудс-роуд и про наше большое наследство.

- У них было двадцать тысяч фунтов? Ничего себе новость!

- Новость? После нашего-то роскошного детства?

- Не знаю, как ты, а я так и вижу, как Отец делает записку: «Бог мой да восполнит всякую нужду вашу»[3 - Из послания «К Филиппийцам», 4:19.], - какой бы она ни была.

- И дом! - воскликнула я. - Просто не верится, что он еще стоит.

- Слушай, а найдутся ведь любители таких развлечений. В Лос-Анджелесе, думаю, есть такие экскурсии: посещение мест убийств, смерти знаменитостей и всякое такое. Короче - извращение.

- Ну, Холлоуфилд далекоовато находится для таких экскурсий, ты не находишь? Да и не тянет наша история на «Черную Орхидею»[4 - Здесь имеется в виду убийство Элизабет Шорт, известной под прозвищем The Black Dahlia - Черный Георгин, совершенное в 1947 году. Одно из самых громких и загадочных преступлений в США, которое так и не было раскрыто. Известный автор детективов Джеймс Эллой на основе этого случая написал в 1987 году роман «The Black Dahlia». В переводе на русский он был издан под названием «Черная Орхидея». Его экранизация вышла в 2006 году. - Примеч. пер.]

- Боюсь, спрос будет не слишком большой.

- Билеты придется просто раздаривать.

– А вообще экскурсии – это хорошая идея, – сказала Эви. – С нашим участием проект превратится в золотую жилу. Можно будет сменить деятельность, если юриспруденция подкачает.

– Эту нишу уже давно занял Итан, – ответила я. – Но что, в самом деле, делать с этим чертовым домом?

Вновь раздался чей-то смех. На этот раз ближе.

– Ты где? – спросила я.

– На пляже. Тут сейчас будет что-то типа концерта.

– Тогда обязательно сходи.

– Ладно. Я по тебе очень соскучилась. А дом... – Там у нее бушевал ветер, захлестывая солнце через океан. – Нужно, чтобы в нем поселилось счастье. Это взбесило бы Отца больше всего на свете.

– Отличная мысль!

– Ладно, мне уже пора.

– Веселись там!

– Обязательно. А ты сегодня молодец.

* * *

План был такой: мы, как агенты под прикрытием, прислушивались к каждому шагу Отца. В Эпоху привязывания мы даже делали записи в нашей Библии огрызком школьного карандаша (Книга Бытия, 19:17 – тогда мы еще не утратили вкус к мелодраме[5 - Речь о сюжете из Книги Бытия о том, как Бог уничтожил города Содом и Гоморру за грехи, но перед этим племяннику Авраама Лоту велел взять жену и двух дочерей и бежать прочь. Об этом и гласит 19:17: «Когда же вывели их вон, то один из них сказал: “Спасай душу свою; не оглядывайся

назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть”».]). Когда мы больше не могли добраться до книги, я выучила отцовский распорядок дня наизусть; мисс Глэйд, когда я еще ходила в школу, научила меня, как нужно запоминать.

– Представь себе дом, – говорила она. – В каждой комнате происходит что-то, что тебе нужно запомнить. В холле свалился Франц Фердинанд – его только что застрелили. Ты идешь в гостиную, и мимо тебя мчатся к выходу сербы, они в панике – начинается война. На кухне – Австро-Венгрия, сидит с оставшимися союзниками. Ну-ка, кто у нас среди них?

Отец присутствовал всюду, поэтому распорядок его дня расшифровать было гораздо проще.

После стольких месяцев, проведенных в комнате, я знала, как скрипит каждая половица, как щелкает каждый выключатель в доме. Я живо представляла себе, как туша Отца передвигается по комнатам.

Мы несколько раз дежурили по ночам, в своих постелях и выяснили – встает он поздно. Зимой, когда раздавались его первые неторопливые шаги, было уже светло. Наша спальня располагалась в самом конце коридора, его – через две двери, так что ночное время никак не подходило: он спал очень чутко и догнал бы нас в считанные секунды. Бывало, я проснусь, а он или в дверях или стоит, склонившись у моей постели, как будто что-то задумал. Но что бы ни было у него на уме, он всегда отступал и через некоторое время растворялся в темноте.

Утро они с Матерью и Ноем проводили внизу. Дом наполняли вкусные запахи, мы слышали, как родители читают молитвы, смеются над чем-то, нам недоступным. Если Ной плакал, Отец тут же уходил в сад. Хлопала кухонная дверь. В саду он занимался – кряхтение доносилось до нашего окна. Иногда заходил к нам перед обедом – сияющий, кожа покрасневшая и влажная – варвар после битвы, несущий полотенце как голову врага. Нет, утро тоже не подходило: входная дверь оставалась запертой, и каким бы путем мы ни спустились вниз – через кухню или прямо через окно, – Отец оказался бы тут как тут.

У нас с Эви было одно разногласие.

– Только через дом, – говорила она. – Окно слишком высоко. Ты просто забыла, как оно высоко.

– Сначала придется взломать замок в нашей двери, потом пройти через весь дом. Мимо комнаты Итана, мимо спальни Отца и Матери, мимо Гэйба и Ди. Спуститься по лестнице. Внизу спит Ной, и Мать – иногда. Это нереально.

– Почему Гэбриел и Далила не сбегут? – спросила Эви и добавила шепотом: – Им ведь проще.

– Не знаю, – ответила я.

На самом деле однажды ночью, много месяцев назад, я слышала нечто такое – тихое и страшное – в другом конце коридора. Неудавшийся побег. Эви тогда спала и так ничего и не узнала. Надежда болталась меж нами на волоске, и я решила, что не стоит ей рассказывать.

После обеда Отец оставался в гостиной, и наступала тишина. Здесь-то я и видела шанс. Пока Отец отдыхал, дом с облегчением вздыхал и расслаблялся. По коридору крался шепот Далилы. В иные дни Итан стучал по стене, совсем как тогда, когда мы были маленькими и горели желанием выучить азбуку Морзе. Иногда к нам приходила Мать. Раньше я умоляла ее сделать хоть что-нибудь, сейчас же лишь комментировала про себя все ее признания и отворачивалась.

– Это единственная возможность, – говорила я Эви. – Когда он не спит, нечего и пытаться.

– Ну хорошо, – отвечала она, но я видела: для нее это всего лишь фантазия, одна из сказок, которые я рассказывала ей, чтобы скоротать дни.

Окно мы обсуждали и раньше. Закрытое картоном, оно оставалось для нас за пределами видимости.

– Ну, оно же открывается, – говорила я. – Разве нет?

Но в памяти не возникало ни шпингалета, ни задвижки; и что там под ним, внизу – трава или бетон? И я признавала:

– Может, я и правда не помню.

– Вряд ли оно открывается, – говорила Эви. – И его все равно уже сто лет никто трогал.

Мы изогнулись так, чтобы увидеть друг друга через Территорию.

– Ну а если разбить окно, – продолжила Эви, – сколько у нас будет времени?

– Пройдет несколько секунд, прежде чем он поймет, что случилось, – ответила я. – Еще несколько – добежит до лестницы. Секунд десять – до нашей двери. И ему еще нужно будет открыть замок. – У меня заныла шея, и я легла обратно. – Всего секунд двадцать.

Эта мизерная цифра повисла в пространстве между нашими кроватями. Эви сказала что-то, но слишком тихо.

– Что-что?

– Тогда давай, – повторила она.

– Давай.

Оставались еще цепи – раньше они были основным препятствием. Но Отец проявил неосмотрительность. После того, как он обнаружил у нас в комнате книгу «Мифы Древней Греции», и того, что за этим последовало, он перестал оставлять нам свет. Мне нравилось думать, будто ему невыносимо видеть меня, но, скорее всего, у него просто не получалось нащупать спяну выключатель; в любом случае – это уже неважно. Я изо всех сил растопыривала пальцы, и однажды он защелкнул наручники вокруг оснований больших пальцев и мизинцев, а не на запястьях. Значит, это буду я, и уже совсем скоро.

– Он промахнулся, – шепнула я Эви, подождав, пока весь дом уснет.

Лишь тяжелое дыхание в ответ. Я ждала слишком долго. Она тоже уснула.

* * *

Вечер продолжался. Стемнело, но снаружи по-прежнему стояла жара. Я заказала в номер два джин-тоника и осушила стаканы в постели, обнаженная. Мелькнула мысль о пробежке, но отель был окружен дорогами, и мне не хотелось петлять между ними. Лучше выпить, решила я, и с кем-нибудь познакомиться. Черное платье-комбинация, кожаные ботинки; у администратора я заказала такси и еще выпить.

В машине я думала о том, как хорошо все идет: три порции алкоголя, я одна, Мать мертва, и незнакомый город вокруг. Я опустила стекло до самого низа. Желаящие повеселиться выстраивались в очередь возле баров, сидели на мостовых.

– Грозу обещали, – сказал таксист.

Он еще что-то добавил, но мы как раз выехали на перекресток, и его слова потонули в дорожном шуме.

– Что, простите?

– Зонтик, – повторил он. – У вас есть с собой зонтик?

– Я, знаете ли, жила раньше здесь поблизости.

Таксист поймал мой взгляд в зеркале заднего вида и рассмеялся.

– Это значит «да»?

– Это значит «да».

Я попросила, чтобы он высадил меня у какого-нибудь ближайшего оживленного заведения.

Он остановил машину возле отеля, более дешевого, чем мой, и кивнул.

Клуб находился внизу, в подбрюшье отеля, к его входу вела узкая лестница; в глубине помещения была танцплощадка, над ней возвышалась пустая сцена. Народу довольно много. Я села возле барной стойки, заказала водку с тоником и огляделась в поисках кого-нибудь, кто был бы не прочь со мной поболтать.

Одно время мы с Девлин так много разъезжали, что я забывала, на каком континенте нахожусь. Проснувшись в номере, направлялась в ту сторону, где располагался туалет в моей нью-йоркской квартире. В аэропорту мне требовалось прочесть – реально прочесть – в своем посадочном талоне, куда именно мы на этот раз летим. Бары действовали на меня умиротворяюще – они везде были одинаковыми. Одинокие молодые люди со схожими историями и прочие незнакомцы, утомленные еще больше меня.

Через шесть мест от меня сидел мужчина в рубашке с золотым значком пилота, он искал свой бумажник; я заказала для него джин. Когда ему подали бокал, мой новый знакомый обрадовался и удивился. Через несколько секунд он, улыбаясь, тронул меня за плечо. Он оказался старше, чем я подумала вначале. Так даже лучше.

– Привет. Спасибо за джин.

– Не за что. Ты в пути?

– Прилетел из Лос-Анджелеса сегодня.

– Вот это да!

– Ничего особенного, на самом деле, – мой регулярный маршрут. А ты – тоже нездешняя?

– Нет. Уже нет. Ты пилот?

– Да.

– А ты главный пилот или второй пилот?

Он рассмеялся:

- Главный пилот.

Он рассказывал о своей работе. Вообще, это довольно скучно – слушать, как кто-то рассказывает о работе, но с ним все было иначе. Он говорил искренне. Рассказал о стажировке в Европе; о том, как ему в первый раз пришлось вести самолет самостоятельно. Его пальцы нажимали на воображаемые кнопки, тянули рычаги, во вспышках светомузыки я видела, как напрягаются его мускулы.

- Становишься бродягой, – объяснил пилот, – но с деньгами.

Первое время он постоянно нервничал – волновался о том, как будет приземляться в следующий раз. Когда засыпал в гостиничных кроватях, его накрывала паника. Сейчас же он стал самонадеян – настолько, что спит спокойно.

- Главный пилот. – Он все еще смеялся. – Так, чем займемся дальше?

Мы немного потанцевали, но остальные посетители оказались моложе, а мы недостаточно пьяны.

Я как замороженная смотрела на девчонок рядом со мной, они раскачивались в такт, их руки и ноги двигались одновременно. На всех – обтягивающие платья, и они хохотали, как одно многоголовое существо. Глядя на них, я нащупывала морщинки на шее и в уголках глаз. Пилот был сзади, его пальцы касались моих ребер.

- Можно поехать ко мне в отель, – сказала я.

- Завтра я улетаю. Не смогу остаться.

- Ничего страшного.

- Я не хочу разочаровывать тебя. Иногда...

- Я не разочаруюсь.

Как и обещал таксист, полил дождь. Улицы успокоились и блестели, в лужах плавали неоновые отсветы. Мимо проезжали только такси, но ни одна машина не остановилась; нужно было выйти на какой-нибудь оживленный перекресток.

По лицу пилота скользили огни рекламных щитов, я взяла его за руку.

– Мне кое-что понадобится от тебя, чтобы по-настоящему получить удовольствие. – сказала я.

– Вот как? – Он отвернулся, высматривая машину, но по тому, как дрогнуло его лицо, я поняла, что он улыбается.

В номере я первым делом открыла мини-бар, намереваясь достать нам что-нибудь, но пилот остановил меня и сел на кровать. Я сбросила платье, стянула и бросила на пол белье, опустилась перед ним на колени. Он рассматривал меня бесстрастно, как я и ожидала.

– Мне нужно, чтобы ты унизил меня, – сказала я.

Он сглотнул.

– Понимаешь, мне надо – больно.

Его пальцы подергивались. Мое лоно дрогнуло знакомой болью – застучало вторым пульсом. Я опустилась на кровать рядом с ним – животом вниз, положив голову на руки. Он поднялся, подошел ко мне; намерения ясно читались на его лице.

На подушке лежали шоколадки, и я подумала, что в номере побывала горничная.

Когда он ушел, я заказала ужин в номер и подумала наконец о Джей Пи. Получилось, будто он ждал полдня, терпеливо и неназойливо, пока я не вспомню о нем. Вот выпью еще немного и, может быть, позвоню ему. Я знала его рабочий номер, по которому он отвечал всегда. А может, я расстроена смертью Матери, сижу в Манчестере одна-одинешенька, и мне не к кому больше обратиться?!

– Мне еще целую неделю нужно быть в Лондоне, – продолжила бы я свою мысль, – если не дольше.

Я слышала, что он теперь живет в пригороде с новой девушкой и небольшой собачкой.

– Или с небольшой девушкой и новой собачкой, – говорила Оливия. – Я уже не помню.

Мне вспомнился тот день, когда Джей Пи уезжал из нашей квартиры. Я думала, он вызовет фургончик или попросит кого-то из друзей помочь с переездом, но он просто уложил вещи в два чемодана и пару картонных коробок и ждал на улице такси. Шел дождь, подняться обратно он отказался, как будто, если мы снова окажемся рядом, он передумает. Все равно бы не передумал. Ничего нельзя было исправить. Никому из нас.

Я подтянула ноги к груди и нащупала шрамы на коленке – кожа в том месте была более гладкой. Затем отыскивала шрамы от других операций. Пальцы следовали привычным маршрутом. Шрамы безукоризненны – не видны даже при близком освещении. Когда я показала их Джей Пи, он никак не отреагировал.

– А я и не замечал, что они там есть, – сказал он, и за это я любила его еще сильнее.

Нет, ничего нельзя было исправить, никому из нас.

Чтобы отвлечься, я стала думать о том, закончился ли праздник, на который пошла Эви. Время позднее, а там, где жила Эви, – уже совсем поздно. Я погасила свет и поставила будильник, чтобы не опоздать на завтрак.

* * *

– Эви, – позвала я. – Сегодня у нас получится.

Бескрайнее утро простиралось перед нами – унылое и пустое. Уже много недель я жила с какой-то странной болью внутри, сегодня стало хуже; запах у крови изменился. С другой стороны, я не понимала, мучит меня именно боль или это

предвкушение бьется в моем животе, словно чудовище вылупляется из яйца.

Я попыталась высвободить руки; после того как Отец промахнулся, я пробовала каждый день. Левая рука выскользнула, а вот правая застревала на костяшках.

- Как сегодня - теплее? - Я продолжала выкручивать кисть, но она, кажется, застряла еще сильнее. Пальцы распухли. У меня возникла одна идея, которую Итан, когда-то увлекавшийся книгами о Диком Западе, назвал бы салуном «Последний шанс»[6 - Last Chance Saloon - популярное в США в XIX веке название баров, располагавшихся рядом с районами, в которых продажа или распитие алкогольных напитков были запрещены. Название бара напрямую указывало, что это последний шанс выпить перед тем, как оказаться в подобном районе.]. Мой план не имел обратного хода, и на тот случай, если Отец заглянет к нам перед обедом, я должна была оставаться в цепях. Придется подождать.

Я слышала, что он проснулся: когда Отец спускался, его шаги прогремели по лестнице, - неужели мы ошиблись? Может, надо действовать сейчас? Он пришел в кухню, зажурчал утренний разговор, прерываемый завтраком, раздумьями или молитвами, которые все читали про себя. Я давно разуверилась в Отцовском Боге, но сейчас закрыла глаза и стала молиться - другим божествам, неистовым и первобытным. Я молилась и молилась.

Когда я снова проснулась, утро еще не кончилось. Я была в густой темноте, где-то на границе сознания. В кухне бряцали столовые приборы. Запах материнской стряпни, пробравшись по лестнице, теперь клубился в нашей комнате. Я ощутила во рту скудные ниточки слюны.

- Первое, что ты закажешь на свободе? - Эта тема всегда разгоралась быстро. - Чай в «Ритце» или в «Греческой таверне»?

Эви подтянула колени к груди, закашлялась и ничего не ответила. Я вдруг заметила, что ноги у нее стали какими-то странными - ниже голени несоразмерно большими, как башмаки клоуна.

Я зарекалась представлять себе, как едят родители, но тот день был последним, и я решила - можно. Они за кухонным столом, Ной сидит на своем стульчике и тарашится на них младенчески бессмысленным взглядом. Мать испекла яблочный пирог и собирается его разрезать. Золотистая корочка присыпана

сахаром; там, где кусочки фруктов выкипали наружу, в корочке остались мягкие ямки. Нож входит в тесто, Мать надавливает. Пирог разрезан, и аромат горячих фруктов поднимается над столом. Она отрезает кусок для Отца и подает его на нагретой тарелке. Не торопясь попробовать сама, наблюдает, как он жует. Рассыпчатое тесто и тягучая начинка перемещаются у него во рту. Она наслаждается удовольствием, с которым Отец ест.

В тот день они долго обедали и не укладывали Ноя. Была где-то середина зимы, и к тому моменту, как хлопнула, закрывшись, дверь гостиной, свет, проникавший в комнату через картон, начал тускнеть. В доме все стихло.

- Пора, - сказала я. - Пора.

И, чтобы больше не раздумывать, натянула цепи. Выкрутив левую кисть, я высвободила руку из железного кольца. Правая, распухшая, никак не пролезала, несмотря на то что я изо всех сил вдавливала большой палец в ладонь.

Салун «Последний шанс».

- Не смотри, - сказала я Эви; даже после всего, что мы пережили, оставались еще вещи, которые ей не следовало видеть.

Когда Далиле было девять или десять, она нацепила обручальное кольцо Матери на свой большой палец и не смогла его снять. Я пришла в восторг - Далила редко влипала в неприятности. Усевшись на верхней ступеньке лестницы, я наблюдала, как разворачиваются события в ванной. Далила сидела на краю ванны, вся в слезах; Мать, опустившись перед ней на колени, мылила ей палец. Мокрое мыло оказалось очень действенным средством - кольцо, к моему разочарованию, почти сразу соскользнуло и, коротко звякнув, приземлилось на пол.

Я вытащила руку до костяшек и начала выкручивать кисть во все стороны. На руке уже были ссадины - остались после утренних попыток; кожа вся в синяках - вот-вот лопнет. Закусив зубами простынь, я задвигала рукой быстрее. Реветь, как Далила, я не собиралась. Когда кожа лопнула, моя черно-красная, влажная рука продралась, наконец, через кольцо.

Я засмеялась, прижала руку к груди. Глаза у Эви были испуганными, но она улыбнулась и подняла вверх большой палец. Перегнувшись через край кровати, я стала обшаривать Территорию здоровой рукой в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было бы разбить стекло. Погружая ее в кучу теплого, влажного мусора, я натыкалась на какие-то предметы; мне показалось, они сами прыгают в руку. Отпрянув в отвращении, я сглотнула и снова стала искать. Обьедки, старая полусгнившая обувь, заплесневевшие странички наших детских Библий. Все не годилось – слишком мягкое.

Эви на что-то показала, и я замерла, ожидая увидеть Отца в дверях. Она покачала головой и повторила жест. Проследив за ее взглядом, я поняла – смотреть нужно под мою кровать. Трясущейся рукой я нащупала там нечто твердое. Деревянная палка, вся в засохшей крови и еще какой-то грязи с Территории. Я смотрела на нее несколько мгновений, пытаюсь вспомнить, откуда она здесь взялась.

– Да, – сказала я. – То что надо.

Я поднялась, пошатываясь, и дотащила до окна. Отец не дал себе труда закрепить картон как следует, и клейкая лента, на которой тот держался, обветшала и порвалась. Кусок за куском я сняла остатки и придержала готовый упасть картон.

– Раз, два, три! – сказала я и опустила кусок на пол.

Свет разразился в комнате, как взрыв. Эви спрятала лицо под руками. Я не стала оборачиваться и смотреть на комнату, залитую днем. Нужно было спешить. Я пересекла Территорию, уложилась в три коротких шага, и вот я у кровати Эви. Взяла ее за руку, как в то время, когда мы спали в одной кровати и когда все еще не было так страшно. Она не шевельнулась: теперь я увидела ее позвоночник, проплешины на голове, усилия, которых ей стоил каждый вдох. Как только я выбью стекло, секунды, наши мизерные секунды, что мы высчитывали столько месяцев, побегут.

– Я вернусь за тобой, – сказала я. – Эви?

Ее рука затрепетала.

– Мы скоро встретимся.

Я взгромоздила деревянную палку на плечо.

– Спрячь лицо, – прошептала я ей.

И время тишины закончилось. Я ударила изо всех сил в нижний угол окна. Стекло треснуло, но не разбилось; я ударила еще сильнее, и оно разлетелось вдребезги. Внизу заплакал Ной. В комнате под нами слышались шаги, раздался голос Матери.

На лестнице уже кто-то был. Я попыталась убрать куски стекла, торчавшие из рамы, но один из осколков вонзился мне в ладонь. Их было слишком много, а времени – совсем мало.

Я подтащила одну ногу, оперлась о подоконник, затем – вторую и села лицом наружу. В замке? заскрежетал ключ – кто-то был уже за дверью. Я велела себе не смотреть вниз. Повернувшись вокруг своей оси, я на мгновение повисла – туловище было внутри, а ноги уже болтались за окном, в морозном воздухе.

«Нужно будет опуститься как можно ниже, – говорила я когда-то Эви. – Пока не повиснешь на руках – чтобы падать не со всей высоты».

Дверь распахнулась – Отец. Его фигура в проеме. Я соскользнула, но сил, чтобы повиснуть на руках, как мы планировали, у меня не было совсем. Я зацепилась ладонями, но почти сразу упала.

Внизу оказался не бетон, а влажная трава, но земля под ней уже промерзла. Когда я приземлилась, моя правая нога как-то сложилась – так обваливается под своей тяжестью здание с разрушенным фундаментом. Хруст эхом разлетелся по саду. Я упала вперед, и от удара о землю осколок стекла еще глубже вошел мне в руку. Холодный воздух было трудно вдыхать, я плакала и знала, что плачу.

– Вставай же, ради бога! – шепнула я.

Потихоньку выпрямившись, я натянула футболку до колен, и тут в дверях кухни появилась Мать. Я ждала, что она побежит ко мне, но она продолжала стоять. Ее

губы шевелились, но я слышала только, как кровь стучит у меня в ушах. Одно мгновение – последнее, долгое – мы смотрели друг на друга, затем я повернулась и побежала.

Садовая калитка оказалась незапертой. Я проковыляла вокруг дома, держась за стены, выбралась на дорогу и пошла посередине, по белой линии разметки. Вечер был морозным и бархатисто-синим. Я узнавала окрестности: Мур Вудс-роуд, мирные дома, далеко стоящие друг от друга. Окна в сумерках светились, как алтари. Отец скоро догонит меня. Нельзя тратить силы и бежать до чьих-нибудь дверей – он может схватить меня на пороге, прежде чем жильцы успеют открыть. Я так и чувствовала тяжесть его рук на своих плечах. Я закричала, пытаюсь дозваться соседей из их гостиных, поднять с мягких диванов, оторвать от вечерних новостей. На деревьях и над парадными дверьми, приветствуя своих обитателей, светились гирлянды. «Рождество...» – оцепенело подумала я.

Дорога, извиваясь, шла под горку, нога у меня подгибалась; я свернула к стене вдоль одной стороны улицы и уцепилась за мокрые камни. Держась для равновесия за стену, я продолжала идти, теперь уже по темной стороне, поскользываясь на опавших листьях, хрупких от мороза, и подмерзших лужах. Боль ненадолго отступила, я как будто очнулась ото сна; но она вот-вот вернется, и тогда я уже не смогу ее игнорировать.

Показался конец Мур Вудс-роуд. За ним я увидела проносящийся мимо свет – фары. Я рванула на них, руки в примирительном жесте – машина затормозила прямо передо мной. Я опустила их на капот – он был теплым, от моих ладоней на нем остались ржавые отпечатки. Женский силуэт внутри – водитель выбралась со своего сиденья, неуверенно приблизилась ко мне и попала в полосу света. Одетая в костюм, с мобильным телефоном в руках – она показалась мне какой-то необыкновенно яркой и чистой, как гостья из нового ясного мира.

– О господи! – воскликнула она.

– Меня зовут, – начала я, – Александра Грейси. – И больше ничего я вымолвить не смогла. Оглянулась – позади осталась Мур Вудс-роуд, тихая и молчаливая. Я села на дорогу и потянулась к женщине, та дала мне руку, и, пока она звонила в полицию, я так и держалась за нее, не выпуская.

* * *

Я проснулась среди ночи, замерзнув под воздухом, дувшим из кондиционера, и завернулась в одеяло. Снаружи уже рассветало, но транспорт еще не начал ходить. Здорово проснуться вот так – когда до утра еще несколько часов. Утром станет лучше.

Уже почти провалившись в сон, я вдруг напряглась. Вспомнила, как падала из окна пятнадцать лет назад. Удар о землю – полусон-полувоспоминание. Колено пронзила фантомная боль. Мать в дверях кухни. Я перевернулась на другой бок. Я стою в саду в неясном свете зимних сумерек, на мне – грязная футболка и больше ничего. Нога волочится сзади, как цепь с ядром. Матери ничего не стоило меня остановить. На этот раз – во сне – я расслышала, разобрала за стуком собственного сердца: «Беги», – вот что она сказала.

Далеко, к северу отсюда, для нее уже готовили могилу, орудовали лопатами в теплом, розовом рассвете – чтобы похоронить ее, прежде чем взойдет солнце.

Она сказала:

– Беги.

2. Итан (Мальчик А)

Итан перезвонил мне прежде, чем умолк будильник. Мой брат уже совершил пробежку по берегу реки и сейчас кормил собаку, жарил яичницу – в общем, на слух его утро казалось идеальным, как рекламный ролик.

– Ну, рассказывай.

И я рассказала. Ему понравилось, что в коробке с вещами Матери обнаружилась статья о его работе; Итан попросил меня зачитать ее, чтобы понять, о каком именно проекте идет речь.

– А, этот... Ну так это ж старый проект.

– Хорошо, что Times и твои «Трудности прощения» она не увидела.

Итан промолчал.

– Так ты какое-то время будешь здесь? – спросил он. – Обязанности исполнителя и все такое.

– Поработаю в Лондоне эту неделю. Посмотрю, как пойдет. Я думаю, что нам, возможно, придется съездить в дом.

Я, кажется, даже услышала, как он прокручивает все это в голове – вспоминает наши окна, сад, парадную дверь и остальные двери. Каждую из комнат. Я рушила его утро.

– Ладно, найдем время. Слушай, а приезжай-ка ты в Оксфорд – побудешь у нас с Анной. По пятницам ходит вечерний поезд. Ты же сто лет в Англию не приезжала. Будет здорово повидаться до свадьбы.

– Не знаю, надолго ли я смогу остаться, все зависит от работы.

– А ты скажи им, что у тебя умерла мать. По такому случаю тебе положены какие-то дни.

Залаяла собака.

– Черт! – сказал Итан.

– Я думаю, что смогу.

– В пятницу. Когда сядешь на поезд – звони.

Как в самом начале, так и в самом конце – только Итан и я.

Первыми родились – последними усыновлены.

* * *

На то, чтобы уладить все формальности, ушло несколько месяцев. О том времени у меня осталось мало воспоминаний, и каждое из них теперь казалось мне утрированным, как будто я взяла чью-то чужую историю и вообразила, что она – обо мне.

* * *

Когда я очнулась, со дня моего бегства миновало уже несколько дней и несколько операций. Медсестры усадили меня в ванну и принялись мыть. Понемногу проступала кожа – белая; я и забыла, что она такая. Меня отмывали несколько часов, и каждый раз, когда они останавливались, я просила их продолжать: грязь была у меня в ушах, в локтевых сгибах, между пальцами на ногах. Когда они закончили, я ухватилась за ванну и отказалась вставать.

– Еще не все отмыли.

Я отчаянно не желала вылезать из воды, из ее тепла. Я чувствовала себя будто в ласковом море Греции, в которую мы с Эви мечтали переехать.

На лице и плечах у меня вырос тоненький пушок.

– Это твой организм пытался согреть тебя, – объяснила одна из медсестер в ответ на мой вопрос; потом она отвернулась и всё оставшееся время, пока не вышла из палаты, старалась больше не поворачиваться ко мне лицом. Синяки понемногу бледнели, превращаясь в размытые желтые пятна. Кости переставали выпирать, отступая обратно под плоть и жир.

Я думала о том, как же в больнице может не нравиться? Как можно хотеть уйти отсюда? У меня была своя палата. Меня кормили три раза в день. Терпеливые доктора объясняли, что со мной и зачем мне делают операции. Все медсестры ласково разговаривали со мной, и, когда они уходили, порой я даже плакала в этой чистой мирной комнате, как плачут от доброты, вдруг встретившейся посреди ужасного дня.

По ночам во сне я звала Эви и просыпалась. С ее именем на устах. Все вокруг утешали меня. Говорили, она в другой больнице и увидеться нам пока нельзя.

Проснувшись однажды – это случилось примерно через неделю после того, как я впервые пришла в себя, – я обнаружила в своей палате незнакомку. Она сидела на стуле рядом с кроватью и просматривала папку на кольцах. В те несколько мгновений, пока она думала, что я еще сплю, я успела ее рассмотреть. Вместо больничной униформы на ней были платье-карандаш, синий пиджак и туфли на таких высоких каблуках, каких я никогда в жизни не видела. Волосы коротко острижены. Глаза бегали по строчкам, и в зависимости от того, что она читала, складка между ее бровей то появлялась, то разглаживалась.

– Здравствуй, – сказала она, не отрывая глаз от папки. – Я – доктор Кэй.

Спустя много месяцев я поняла, что это ее фамилия – Кэй, как слово К-э-й, а не буква алфавита[7 - В английском языке буква К произносится как «кей»]. Однако к тому времени мы уже знали друг друга достаточно хорошо, и моя интерпретация ее имени понравилась ей больше. «Так гораздо лаконичнее», – заметила она.

Доктор отложила свою папку и протянула мне руку. Я пожала ее и ответила:

– А я – Александра. Но это вы, наверное, и так знаете.

– Знаю, – произнесла она. – Но мне приятно познакомиться с тобой лично. Александра, я – психолог, из тех, которые сотрудничают и с больницей, и с полицией. Ты понимаешь, о чем у нас пойдет речь?

– О разуме, – ответила я.

– Да, – подтвердила она. – Именно так. Пока врачи и медсестры лечат твоё тело, мы займемся твоим разумом. Будем разговаривать о том, что ты чувствуешь, о чем думаешь. О том, что с тобой случилось, и о том, чего ты хочешь сейчас. Иногда в наших разговорах будут принимать участие следователи, а иногда мы будем беседовать с глазу на глаз. Когда мы будем разговаривать вдвоем – только ты и я, – все, что ты мне расскажешь, я не передам никому, это станет нашим секретом.

Она встала со стула и опустилась на колени перед моей кроватью.

– Секретом, понимаешь? – повторила доктор Кэй. – Это я тебе обещаю. Я понимаю разум другого человека, умею с ним работать. Верю, что могу привести его в порядок. Но читать мысли я не в силах. Поэтому мы должны быть честны друг с другом. Даже в том, о чем трудно рассказывать. Согласна?

Голос у нее немного сел.

– Согласна, – ответила я.

Доктор еще что-то говорила, но уже на ходу, отдаляясь от меня, и, когда я проснулась в следующий раз, ночью, ее уже не было в палате.

С тех пор доктор Кэй стала приходить каждый день. Иногда ее сопровождали двое следователей; были они и в тот раз, когда она рассказала мне, что Отец покончил с собой почти сразу после того, как я сбежала. Полицейские, прибывшие первыми, нашли его на кухне. Многократные попытки откачать его ничего не дали – помочь ему уже было нельзя.

Его пытались откачать? Интересно, они очень старались?

Вместо этого я спросила: «Как он это сделал?» Следователи посмотрели на доктора Кэй, а доктор Кэй смотрела на меня.

– Он выпил отравляющее вещество, – произнесла доктор. – Яд. По многим признакам понятно, что все было подготовлено, и заранее.

– В доме обнаружился большой запас яда, – пояснил один из следователей. – Мы думаем, что, возможно, готовилась грандиозная развязка.

Они снова переглянулись. На этот раз – с облегчением, как будто что-то, чего они опасались, обернулось лучше, чем они предполагали.

– Ну, ты как? Что чувствуешь? – спросила меня доктор Кэй.

– Не знаю.

Спустя час, оставшись в одиночестве, я сумела сформулировать ответ: «Я совсем не удивлена».

Мать, как они сказали, находилась в тюрьме. Этот яд предназначался и для нее, но она не стала его принимать; сидела в кухне на полу, положив голову Отца себе на колени; охраняла его тело, подобно собаке. О преданности собак написано столько книг – они не покидают хозяина даже после его смерти.

– А остальные? – спросила я.

– Тебе пора отдохнуть, – ответила доктор Кэй. – Поговорим завтра.

Сейчас я понимаю, какие трудности им тогда приходилось разрешать. С нами работала целая команда – наша новая большая семья: полиция, психологи, врачи. Они сутками стояли перед своими магнитными досками, на которых были прикреплены наши фотопортреты с именами. Под этими именами нас знал весь мир: мальчики – от А до Г, девочки – от А до В. Наши фото соединялись линиями, рядом с линиями – комментарии: «близкие отношения», «потенциальная жестокость», «взаимоотношения неизвестны». Схема обростала все новыми деталями – предположениями или фактами, добытыми в больничных палатах. Карта нашей жизни выстраивалась, как рисунок созвездия в темном небе.

Часто мы с доктором Кэй просто сидели и молчали.

– Ну, как у нас сегодня настроение? Поговорим? – спрашивала она, а я была или уставшей, или у меня везде болело после очередной операции, или меня все раздражало: ее красивый наряд и невозмутимость, мое ощущение собственной неполноценности от того, как, по сравнению с ней, выгляжу я, лежа в этой постели, – какая-то птичья фигура, все линии тела не такие, какими им положено быть.

Но когда вместе с ней приходили следователи, она расспрашивала меня обо всем, что я помнила: не только об Эпохе привязывания и Эпохе цепей, но и о том, как мы жили до них, когда были маленькими. Мои слушатели записывали все подряд – даже то, что, казалось, совсем не относилось к делу, поэтому я старалась рассказать побольше: например, о книгах, которые нравились нам с Эви, или о том, как мы однажды ездили в Блэкпул на выходные.

– Как давно ты перестала ходить в школу?

Я не смогла вспомнить и смутилась от этого.

– Ну а в старшую школу ты перешла?

– Перешла. Тот год был последним. Я не могу точно сказать, когда перестала ходить туда, но помню все, что мы прошли по всем предметам. Почти все.

– А вернуться в школу, – улыбнулась доктор Кэй, – ты хотела бы?

С тех пор каждый день, после обеда, ко мне приходил больничный учитель. Доктор Кэй никогда не упоминала об этом, но я знала, это она – ее безмолвная магия. Она раздобыла мне Библию, ведь я любила почитать перед сном что-нибудь знакомое. Она всегда чувствовала момент, когда меня начинали утомлять вопросы следователей, и захлопывала блокнот, оканчивая тем самым нашу беседу. Поэтому я старалась побольше разговаривать с ней, даже когда меня охватывало раздражение, – это было мое спасибо.

Разговаривали мы и о будущем.

– Задумывалась ли ты когда-нибудь о том, что бы тебе хотелось делать?

– О профессии?

– О профессии и не только. Где бы тебе хотелось жить, что повидать, какие занятия попробовать.

– Мне нравилась история, – ответила я. – В школе. И математика. Мне многие предметы нравились.

– Вот как? – Она глянула на меня поверх очков. – Это нам пригодится.

– У меня была книга «Мифы Древней Греции», – сказала я. – Пожалуй, я хотела бы побывать в Греции. Мы с Эви решили, что когда-нибудь вместе туда отправимся. Мы рассказывали эти мифы друг другу.

– И какой был твой любимый?

– Про Минотавра, конечно. Но Эви он казался страшным. Ей больше нравился про Орфея и Эвридику.

Доктор Кэй убрала блокнот и положила руку рядом с моей, но так, чтобы не коснуться меня.

– Ты непременно побываешь в Греции, Лекс, – сказала она. – И будешь изучать историю, математику и массу других предметов. Я больше чем уверена в этом.

Специалисты, которые занимались с нами, пришли к выводу, что наилучший шанс вернуться к нормальной жизни нам даст усыновление. После долгих раздумий нас решили пристроить в разные семьи. У каждого имелись какие-то свои особенности и потребности, а общение друг с другом только затормаживало процесс реабилитации; кроме того, нас было много. Я, конечно, не знаю наверняка, но мне кажется, что на этом решении настаивала доктор Кэй – именно она боролась за него у белой магнитной доски с нашими фотографиями. Вопреки всему, она верила, что время и занятия помогут нам сбросить с себя прошлое, как вышедшее из моды пальто, которое вообще не стоило покупать.

Лихорадочная деятельность, имевшая место в тот период времени, доходила до нас в последующие месяцы и годы в виде лаконичных заключений.

Самых младших разобрали первыми – они были как пластилин, и выправить их казалось гораздо проще.

Ноя отдали семейной паре, пожелавшей остаться неизвестной даже для нас, – доктор Кэй одобряла такой подход, и второй, и третий психологи тоже. Из времени, проведенного на Мур Вудс-роуд, Ной не будет помнить абсолютно ничего. Первые десять месяцев его жизни можно с легкостью стереть, как будто их никогда и не было.

Гэбриела усыновила местная семья, которая пристально следила за ходом дела и впоследствии сделала ряд громких заявлений, требуя уважать их право на частную жизнь.

Далилу – самую фотогеничную из нас – удочерила супружеская пара из Лондона, которая не могла иметь своих детей.

Эви же повезло больше всех – ее взяла семья, жившая на южном побережье. Мне ничего не рассказали о ней, кроме того, что у нее появились новые брат и сестра и что их дом находится недалеко от пляжа.

Я помню, что сообщить мне эту информацию поручили доктору Кэй; также помню, что спрашивала ее, не найдется ли у них комнаты для еще одного ребенка, будучи при этом абсолютно уверенной – это все можно легко разрешить.

– Я так не думаю, Лекс.

– А вы у них спрашивали?

– Я и так знаю, – ответила она. И неожиданно добавила: – Прости.

Таким образом без семей остались только Итан и я.

После многих недель сомнений и колебаний Пэгги, сестра Матери, согласилась присматривать за Итаном до тех пор, пока тот не окончит школу. Мол, у нее есть два взрослых сына, и она справится еще с одним. Предполагалось, что он покинет ее дом через три года, когда сдаст все экзамены, которые он сдал быстрее; хотя Итан не был бы Итаном, если бы не уложился в два года обучения. Пэгги приходила к нам как-то раз, непосредственно перед тем, как все стало совсем плохо; дверь тогда открыла ей я и поэтому думала – сейчас тетя непременно вспомнит обо мне. Однако, когда ее спросили, она стала отрицать, будто когда-либо приходила на Мур Вудс-роуд. Кроме того, Пэгги заявила, что – да простит ее Господь – она совершенно не знает, как обращаться с девочками-подростками.

Сотрудников лондонского филиала интересовали два вопроса: первый – как дела у Девлин? И второй – после того, как они получили от меня ответ на первый, – почему я вернулась?

Позвольте – теперь я расскажу немного о Девлин.

У Девлин всегда был наготове какой-нибудь потрясающий проект – абсолютно новый, – который переворачивал всю нашу жизнь с ног на голову. Недели без сна; клиенты, подобные Люциферу (сколь сложные, по ее словам, столь же и обаятельные); разнообразные претензии со стороны престарелых джентльменов, разодетых в деловые костюмы, которые она сводила на нет, – Девлин была способна выдержать все что угодно. Она запросто могла повернуться ко мне прямо во время каких-нибудь переговоров и бесстрастно поинтересоваться, как я вообще. Причем ответа Девлин ждала только одного – «Все хорошо». У меня – меняющей за пару суток уже третий часовой пояс, оставшейся без интернета из-за тайфуна, уставшей до тошноты – должно быть все хорошо.

Девлин знала людей, которые могли поставлять (а могли и не поставлять) химикаты венесуэльским наркобаронам; она водила знакомство с султанами некоторых небольших государств Ближнего Востока; и она никогда не сомневалась, что сказать. Ее глаза и залегшие под ними тени были цвета оружейной стали. В сорок два года ее сердце, утомившееся от посещения двух стран в неделю и пяти часов сна в сутки, взбунтовалось на высоте десяти тысяч семисот метров над Тихим океаном, в двух часах полета от аэропорта Чанги. «Я заподозрила неладное, – сказала она, – когда мне вдруг не захотелось выпить шампанского перед вылетом». Из экономкласса примчался врач, и сердце Девлин успокоилось. Она пришла в себя в Сингапуре и заказала напитки для всех, кто был на борту, – в качестве извинения за причиненные неудобства.

Впоследствии ей сделали операцию на сердце – инвазивная хирургия, – и с тех пор, я заметила: если она сердилась или расстраивалась во время переговоров, то неосознанно поглаживала область сердца, как будто успокаивала ребенка, – такой вот у нее появился жест.

Я часто пыталась представить, как выглядит ее шрам под рубашкой – сморщенная кожа соприкасается с белоснежной, выглаженной хлопковой тканью.

Девлин предлагала выдумать какое-нибудь дело, которое требовало бы моего присутствия в Лондоне, но тут как раз подвернулось реальное. Один из ее друзей входил в совет директоров, который собирался купить стартап – компанию, владевшую эксклюзивной кембриджской разработкой в области

геномики[8 - Раздел молекулярной генетики, посвященный изучению генома и генов живых организмов.].

- Как я это понимаю, - сказала Девлин. - Ты посылаешь им образец ДНК, и они предсказывают твоё будущее.

Шквал информации обрушился на меня во вторник вечером. В Лондоне была полночь, я разговаривала с Девлин и открывала файлы.

- Как гадалка, что ли?

- Ну... надеюсь, что все-таки как высоконаучная гадалка. Они назвали это «ХромоКлик».

Всю неделю я засыпала по ночам, укутываясь в изнеможение, и каждое утро выпутывалась из него, заслышав звонок будильника в номере. Я приступала к работе в офисе с началом лондонского дня и продолжала ночью - с Девлин, звонившей мне из Нью-Йорка. Когда в тихий предрассветный час я выходила из офиса, в Сити было тепло и темно, я открывала окна в такси, чтобы ветерок не давал мне уснуть.

Я не отвечала на звонки Мамы и Папы. Двести сообщений от Оливии и Кристофера в чате я также оставила без внимания. Днём мне звонила доктор Кэй, несколько раз - не подряд, а с промежутками, специально, чтобы меня заинтриговать, - но и ей я не ответила. Эви была единственной, с кем я общалась. Наш план для дома на Мур Вудс-роуд постепенно вырисовывался: общественный центр, где для детей и молодежи будут организовываться такие занятия, которые никогда не одобрили бы наши Отец и Мать. Детская библиотека, групповое чтение для ребят постарше, беседы о контрацепции.

- Дискотека на роликах, - предлагала Эви.

- Буфет «Ешь-сколько-пожелаешь», - не отставала я.

- Первое в стране место для венчания геев.

В среду мне позвонил Билл. Он хотел знать, что же я решила – буду ли исполнителем последней воли? На другой линии у меня висел клиент, за дверью ждал подчиненный. Билл – это просто аномалия какая-то. Неужели тюрьма существовала в том же мире, что и мой офис?

– Дайте мне подумать до выходных, – ответила я.

Вечер пятницы, и по-прежнему тридцать градусов жары. Я ждала поезд из Паддингтона на восемнадцать тридцать один и попутно отправляла Девлин по электронной почте свои соображения насчет разных мелких правонарушений, обнаружившихся за компанией, занимающейся геномикой. Директор компании как-то раз забыл в поезде флешку с незашифрованными личными данными сотрудников – сексуальная ориентация, состояние здоровья, этническая принадлежность. «Короче, – подытожила я, – есть проблемные моменты».

Оливия наделала скриншоты свадебных фотографий и прислала их мне и Кристоферу, снабдив лишенными смысла комментариями: «Гигантские канапе», «Недоплата. Гендерное меню – что за черт?»

Я перечитала свое послание Девлин и прибавила: «Как бы то ни было, я как раз сажусь на поезд. Постараюсь посмотреть в оба».

Я уточнила у Итана адрес и сказала, чтобы они с Анной не встречали меня на станции. Их дом находился в Саммертауне, и мне как раз хотелось там прогуляться – Джей Пи когда-то учился здесь, и мы время от времени приезжали сюда на выходные.

Я катила чемоданчик через парк Джерико по Вудсток-стрит: помню, нам двадцать пять, мы выскакиваем из музея Эшмола[9 - Старейший в мире музей, одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете.], кривляясь, изображая посмертные маски. Двадцать семь – и мы шагаем напрямик к Порт-Мидоу[10 - Обширные луга на берегу Темзы в северо-западной части Оксфорда.] с плавками, купальником и бутылкой шампанского. Интересно, а она – его новая миниатюрная девушка – тоже раздевалась, когда он ее об этом просил, отпивала шампанского, прежде чем осторожно коснуться губами его, едва скрытого порослью? Но мне не в чем ее упрекнуть – она появилась гораздо позже.

Забывшись летним сном, за воротами чахли здания факультетов.

Ана увидела меня из окна комнаты на втором этаже и помахала. Вихрем мелькнула в запотевшем стекле парадной двери и в следующую секунду уже открывала мне.

Если бы Итан заказывал себе жену, как в каком-нибудь ресторане, – это была бы именно Ана Айслип. Ее отец преподавал в университете историю искусств; мать принадлежала к греческой династии судоходцев – от вопросов бизнеса она держалась в стороне, но при этом получала ежемесячные дивиденды. Отца Аны Итан узнал благодаря проекту муниципального совета «Искусство атакует», призванному помочь реабилитации жертв жестоких преступлений; спустя десять дней после их первой встречи он напросился к Айслипам на обед, в их дом, построенный исключительно из дерева и стекла, стоявший на берегу реки, – тогда и познакомился с Аной.

– «Искусство атакует»? – переспросила я, когда они вместе рассказывали мне эту историю. У каждого была своя роль, и они оба их отлично знали. – Он реально так называется?

– Да, – ответила Ана. Итан улыбался, глядя в сторону.

В тот день, когда он должен был прийти к ним на обед, Ана с утра ушла поплавать в Исида[11 - Исидой называют участок Темзы от ее истока на возвышенности Котсуолд-Хилс до слияния с одним из притоков в Дорчестере-на-Темзе, в Оксфордшире. Происходит от древнего названия Темзы – Tamesis, которое в Средние века ошибочно считалось сочетанием названия реки – Thame – и имени богини Исиды – Isis.]. Когда появился Итан, она сидела на берегу в купальнике и ждала, пока обсохнет. Ужасно неудобно вышло – ведь он пришел в гости раньше назначенного времени.

– Счастливый случай, – добавил Итан и поднял свой бокал.

Ана была художницей. От нее слегка пахло краской, на руках и ногах виднелись не до конца смытые мазки красок разных цветов. Ее полотна висели на стенах или стояли на полу в каждой комнате. Она писала воду и падающий на нее свет: серо-зеленую, почти гладкую поверхность Исиды; океан в последних, перед

самым штормом, солнечных лучах; дрожь чьей-то руки, ставящей на стол чашку чая. В моем лофте, в Нью-Йорке, тоже висела картина Аны Айслип – море, искрящееся в полуденном солнце. «Это Греция, – пояснила она в приложенной открытке, – мой второй дом. Итан сказал, тебе понравится».

Сейчас она распахнула дверь передо мной и сразу же обняла.

– Ваша мама, – сказала она. – Господи, мне так жаль...

– Не стоит, правда.

– Вам всем, должно быть, очень непросто сейчас. – И Ана тут же просияла, покончив с соболезнованиями. – Итан в саду, идем-идем. Он уже откупорил вино, хоть я и просила его подождать. Лекс, ты выглядишь так, как будто неделю не спала.

Через отделанный деревом холл, мимо мастерско?й Аны, мимо гостиной мы прошли прямо в кухню, из которой в сад вела двухстворчатая дверь. Сквозь нее и окна на крыше врывался внутрь летний вечер. Родители Аны оплатили перепланировку – сделали им такой подарок по случаю помолвки.

Гораций, пес Итана, примчался поздороваться со мной. Сам же Итан сидел снаружи, спиной к дому.

– Привет, Лекс, – поздоровался он.

Солнце уже клонилось к горизонту, и все, что я смогла различить, – копну белых волос. Его можно было принять за любого из нас.

Последний раз мы с Итаном виделись в Лондоне, полгода назад, когда он пригласил меня на заседание круглого стола в Королевской академии. «Образование и вдохновение: как учить юных художников», – звучала тема дискуссии, и Итан был председателем этого мероприятия. После наших с Девлин посиделок я опоздала, и соваться в аудиторию, пожалуй, уже не имело смысла – я решила подождать его в баре. На каждом столике лежала пачка листовок с рекламой заседания: на одной стороне рисунок – двое детей, входящих в океан,

на другой – сведения о докладчиках.

Итан Чарльз Грейси – директор Школы Уэсли в Оксфорде. Школа с яркой историей, она отличается выдающимися достижениями и имеет ряд признанных инноваций в области искусства в разных возрастных группах. На момент своего назначения Итан стал самым молодым старшим преподавателем Великобритании. Он является членом совета нескольких благотворительных организаций графства Оксфордшир; члены правительства обращаются к нему за консультациями по вопросам, касающимся образовательных реформ; кроме того, он читает лекции и ведет международные семинары о своем личном опыте преодоления психологической травмы.

Я заказала себе еще выпить. Двери распахнулись, и из аудитории вывалилась гомонящая толпа. Итан вышел одним из последних, беседуя с двумя джентльменами в костюмах и с леди, у которой на шее висел бейджик. Он поймал мой взгляд, и на его лице, как и положено, появилась улыбка; остальные в мою сторону даже не взглянули.

Перекинув плотный пиджак через руку, он говорил о чем-то забавном и явно подходил к кульминации – перевернул ладони вверх, словно готовясь поймать смех слушателей. Когда Итан что-нибудь рассказывал, он делал это в точности как наш Отец – так же убедительно, пропуская историю через всего себя: через каждую жилу, каждый мускул, – но его глаза и губы при этом оставались безучастными, как будто на уровне шеи контакт с телом прерывался.

Вокруг, там, куда не падал его взгляд, его ожидали люди, желавшие поговорить. Я уселась поудобнее. Придется подождать и мне.

Спустя полчаса и три выпитых бокала наконец-то подошла и моя очередь.

– Привет! – Итан расцеловал меня в обе щеки. – Ну как тебе?

– Очень интересно! – воскликнула я.

– А моя идея с домиками на деревьях?

- Она-то мне и понравилась больше всего!

- Ну-ну - ты даже не зашла!

Я посмотрела на него и рассмеялась. Он - тоже.

- Просто задержалась на работе. Не сомневаюсь - ты был великолепен! Ну, как у тебя дела? Как Ана?

- Ана не смогла прийти. К сожалению. Я рассчитывал, что она составит тебе компанию. Ана не очень хорошо себя чувствует. Думаю, что у нее тот недуг - ну, печаль, как у художников в девятнадцатом веке, ею еще страдал высший свет. Как там она называлась?

- Истерия?

- Нет, полегче.

- Хандра?

- Да, точно. В общем, ничего страшного - пройдет.

Ему приходилось делать усилие, чтобы не отрывать от меня взгляда: люди вокруг говорили о чем-то гораздо более значительном.

- Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю? Мне просто нужно тут покрутиться.

- У меня тоже есть еще дела, - соврала я. - Так что крутись на здоровье. Похоже, для тебя это важно.

- Будут события и поважнее, уверяю тебя. Договорим на улице, ладно?

На Пикадилли было по-прежнему людно. Бело-синие огни над дорогой, покупатели, увешанные бумажными пакетами. Морозно - в самый раз для снега. Парочки - он в смокинге, она в вечернем платье - ныряли в вестибюли гостиниц. В магазинах, в каждой витрине - милая сказка. Декабрьский Лондон. Я

намеревалась купить что-нибудь дорогое и вернуться назад, в свой отель, через Мейфэр[12 - Район в центре Лондона.]. Мне нравилось разглядывать форму швейцаров и освещенные окна квартир над улицей. Итан помог мне надеть куртку. Моя рука все еще сжимала рекламный листок.

- А это... - начал уже было он.

- Картинку ты выбирал?

- Да. Не узнаешь? «Дети на берегу моря»?

- Нет.

- Хоакин Соролья-и-Бастида[13 - Хоакин Соролья-и-Бастида (1863-1923) - художник, один из представителей испанского импрессионизма.]?

- Я все равно не знаю.

- Напомнила мне о тебе, - пояснил он. - О тебе и о Эви, наверное.

- И впечатляющая биография, кстати. Горжусь тобой. Даже если все это ты сам написал.

Он уже хотел вернуться в академию и приготовил свою фирменную - «я снова с вами» - улыбочку.

- Просто безобидная выдумка, - проговорил он. - Так ведь?

* * *

История рождения Итана стала частью семейного фольклора задолго до моего появления на свет. Из моей же вместо достойного продолжения вышло сплошное разочарование. Она окончилась банально: на больничной койке на свет появилась девочка. Так что Отец редко рассказывал о моем рождении.

Мать была на восьмом месяце и работала секретаршей в той же конторе, где Отец чинил электроприборы, в часе езды от Манчестера. На этом сроке Мать уже с трудом дотягивалась до пишущей машинки, а над ее походкой хохотали все остальные секретарши; Отец по три раза в день поднимался к ней из полуподвала, где располагался отдел технического обслуживания, – носил еду в контейнерах и делал массаж. В тот день она не чувствовала ничего такого, что предсказывало бы скорое рождение ребенка, за исключением странного дискомфорта и лишь предчувствия боли. Но вдруг – во?ды – в трусиках и на дешевом офисном кресле.

В четвертый за этот день раз Отец поднялся по лестнице. Один из директоров компании, мистер Бедфорд – о да, однозначно «злодей»[14 - Игра слов: bad (англ.) – плохой.] в этой истории, – был уже рядом с Матерью и держал в руке трубку телефона, стоявшего на ее столе. Мать тоже держалась за трубку и просила, чтобы – пожалуйста – мистер Бедфорд ее положил, ведь они с мужем заранее решили: ребенок родится дома, и они сейчас же поедут туда. Мистер Бедфорд, как выяснилось, уже дважды пытался вызвать такси до больницы, но Мать каждый раз нажимала на рычаг прежде, чем он успевал договорить.

Мистер Бедфорд не сдавался. Раз ребенок торопится выйти на свет, матери следует ехать в больницу. Если они не дадут вызвать такси из приемной – где Отец уже выдернул из розетки шнур телефона, поднял его высоко и держал так, чтобы мистер Бедфорд не смог до него дотянуться, – значит, он позвонит из своего кабинета. Волоча за собой телефонный аппарат и разливая амниотическую жидкость, родители рванули прочь. Они проковыляли через медленно разъехавшиеся двери, через парк – к «Форду Эскорт», на котором ездили на работу. В машине Мать упала на заднее сиденье. Отец вставил ключи в замок зажигания. Выехав на трассу «А», они услышали вой сирены – мимо них, мигая аварийными огнями, промчалась скорая.

«Мистеру Бедфорду, – говорил Отец, – должно быть, пришлось долго объясняться».

Оказавшись дома двадцать минут спустя, они расстелили мягкие, чистые простыни, которые Отец купил на свою рождественскую премию. Спустили на пол подушки с дивана, задернули шторы. Мать легла на эту импровизированную постель. Ее лицо блестело в полумраке от слюны и слез.

Итан появился на свет через сорок часов. В самом конце, как рассказывал Отец, Мать то и дело проваливалась в сон, и ему приходилось будить ее, легонько постукивая по голове. (Интересно, не мечтала ли она тогда о бело-синих лампах и больничной палате?)

Они взвесили ребенка на весах в ванной. Три килограмма сто восемьдесят граммов, здоровенький. Сын. Он пробил себе путь в этот мир, боролся, чтобы прийти пораньше. Они лежали на полу, прижавшись друг к другу, обнаженные и окровавленные, будто последние уцелевшие в какой-то кровавой резне люди на Земле. Или же – первые.

Мечь мистера Бедфорда, последовавшая через несколько недель, стала той частью истории рождения Итана, которую Отец предпочитал в своем рассказе опускать. Супруги Грейси посягнули на собственность компании, не подчинились прямым указаниям руководства. К тому же сотрудники отдела технического обслуживания недолюбливали Отца. Жаловались, что он всех высмеивает и постоянно торчит у рабочего места своей жены, делая ей массаж. Мистер Бедфорд поздравил родителей с рождением сына и попросил их не возвращаться на работу. «Расчет, – написал он, – вы получите по почте».

С тех пор Мать больше никогда не работала. Следующие семнадцать лет она была вся в детях и принимала эту роль как мученическую. Она исполняла миссию, дарованную ей Господом, и была намерена исполнять ее как подобает. Более всего она ценила нас, когда мы находились у нее внутри, в тесноте ее тела, и сидели спокойно. С тех пор как я себя помню, Мать постоянно была беременна. На улицу она выходила в платьях, сквозь тонкую ткань которых, как опухоль на ранней стадии, выпирал пупок; дома она вечно сидела на диване и кормила нас – неизменно в трусах и заляпанной футболке. Мы вопили наперебой, иногда сразу двое из нас, и дрались друг с другом за более полную грудь. В моем нынешнем возрасте у нее уже были Итан, я, Далила и на подходе Эви. От Матери противно пахло – чем-то нутряным. Она протекала. Содержимое ее организма так и стремилось наружу.

Когда Мать была маленькой, она мечтала стать журналисткой. Жила в деревне, со всех сторон окруженной холмами, с родителями и сестрой. В череде примыкающих друг к другу домов их был самым крайним; слегка накрененный, как бы падающий, он походил на Пизанскую башню.

Она брала интервью у жителей деревни, и ее отец купил ей блокнот у продавца газет. На первой странице красивым почерком Мать старательно вывела: «Заметки Деборы». По выходным, а иногда и после школы она ходила в гости к соседям и беседовала с ними о том о сем. Оказалось, они и рады были поверить ей скромные мечты: кто-то хотел выиграть в лотерею, к примеру, кто-то – переехать жить к океану, съездить во Францию или Северную Америку. А еще им нравилось сплетничать о том, что за семья поселилась неподалеку: может быть, супруги, а может – и очень даже вероятно – отец и дочь.

Я видела фотоснимки Матери, сделанные в то время, – ее тогдашний успех был вполне понятен: белоснежные волосы, взрослый, понимающий взгляд. Такой девочке кто угодно открыл бы свои секреты.

Она не ожидала, что в ее жизни случится, как она назвала это позже, Парад.

Однажды, когда ей исполнилось десять и она собиралась поступать в гимназию в соседнем городке, в деревне отмечали праздник урожая, и к парадному шествию все украшали свои повозки. Хозяйки мастерили пугала и разбрасывали их повсюду. Ребятишки, наряженные фруктами и овощами, топали по улицам одной живой грядкой. В тот год посредством некой сомнительной демократической процедуры Мать избрали Принцессой урожая. В золотом платье (что, по сравнению с прошлогодним костюмом картошки, она сочла грандиозным достижением) она шествовала впереди всех, и, когда процессия проходила мимо ее дома, рядовые с повозки Общества ветеранов дали торжественный ружейный залп.

Мать не увидела, что произошло. Веревка, соединявшая повозку Сельской христианской церкви с их «Морис Мариной»[15 - Morris Marina – маленький семейный автомобиль британского производства, выпускавшийся с 1971 до 1980 гг.], лопнула в самой высокой точке подъема на Хилли Филдс-роуд. Мать услышала крики, раздавшиеся, когда повозка наехала на ее отца, но решила, что это просто шумит взбудораженная толпа, и принялась размахивать руками с еще большим воодушевлением. Ведущий, желая ее остановить, преградил ей путь, но Мать лишь вежливо улыбнулась и просто обошла его.

Несколько дней в деревне работала столичная пресса. В результате несчастного случая отец нашей Матери лишился ноги, а одного ребенка, в костюмчике тыквы, придавило насмерть. Мать была взбудоражена. Ей очень нравились шустрые, сообразительные репортеры с такими же, как у нее, блокнотами. Она

определенно стала королевой этой трагедии: и жертвой, и невольной участницей одновременно.

Сидя рядом со своей матерью на диване в гостиной, зажав в кулаке носовой платок, она выдавала корреспондентам версию событий глазами очевидца. В конце каждого интервью наша Мать добавляла: в свете случившегося на нее снизошло озарение – она тоже хотела бы стать журналистом и давать людям возможность поведать миру то, о чем они хотели бы рассказать. На последней страничке своего блокнота она записывала все имена, фамилии и номера телефонов репортеров, в скобках указывая заголовки их статей; проставила звездочки каждой публикации, и критериями ее оценок служили профессионализм автора и количество времени, которое он уделил лично ей. Когда придет ее час, она будет знать, к кому обратиться.

Кроме журналистов к ним наведались однажды и представительницы Сельской христианской церкви.

Однажды вечером в дом тихонько постучались – Мать даже не сразу поняла, что это был за звук. Стук повторился. Под дождем, не приближаясь на всякий случай к двери, стояли три женщины – на головах платки, лиц в тени не разглядеть. Самая взрослая на вид держала в руках корзинку с теплым хлебом, накрытую кухонным полотенцем; когда она протянула ее Матери, та испугалась. Почему-то у нее мелькнула мысль, что в корзине лежит ребенок.

– Мы каждый день молимся за тебя, – сказала одна из женщин.

Другая добавила:

– И за твоего отца.

– Да, за него тоже. Можем ли мы увидеть его?

– Он еще в больнице, – ответила Мать. – Дома мама и сестренка.

– Если вдруг тебе станет одиноко, – проговорила самая старшая представительница церкви, – обязательно приходи к нам.

– Детей полагается ждать с распростертыми объятиями, – заключила третья.

Ее отца выписали из больницы через месяц. Столичная пресса разъехалась, погибшего ребенка похоронили – траурная процессия прошла тем же путем, что и на празднике урожая. Отец сидел перед телевизором – тихо и неподвижно. Левая штанина его брюк болталась спереди, как призрак ноги. Мыть окна он больше не мог. Тогда-то наша Мать в первый раз пожелала, чтобы всего этого не случилось.

«Вот так и начался Парад», – рассказывала она.

Парад ее злоключений.

«Ну вот», – вздыхала она всякий раз, когда что-то случалось – уволили ли Отца, учитель ли позвонил узнать, почему кого-то из нас не было в школе, ударил ли впервые Отец Итана. «Это Парад, – говорила она. – Ничего не поделаешь!»

Перестав быть всем известной Принцессой урожая, Мать ухаживала за своим отцом, так как ее мама работала в деревенском магазине сверхурочно. Дочь следила, чтобы отец съедал завтрак, ведь мама заподозрила, что он пытается уморить себя голодом; проверяла обрубок ноги – не попала ли в рану инфекция. Отец сидел в кресле, дочь стояла на коленях на полу. Наша Мать гордилась своими обязанностями. Она касалась гладкой, запечатанной кожи, багрового рубца, оставшегося там, где накладывали шов, и думала, что, может быть, она станет доктором.

Во время осмотров оба – и отец, и дочь – хранили молчание. Отец больше не расспрашивал о новых интервью, а ей нечего было ему показать. Кроме отца наша Мать присматривала еще и за сестрой. Пэгги исполнилось восемь, и она доставляла много хлопот.

«У нее нет таких способностей, как у тебя, Деб, – говорила ей мама, – ей нужно помогать».

Покончив со своими уроками, Мать садилась за уроки Пэгги, с грустью – задания были по-детски просты. На некоторые вопросы она специально отвечала неправильно, чтобы учителя ничего не заподозрили, но иногда задания оказывались совсем уж элементарными, и она надеялась, что Пэгги однажды

вызовут к доске и попросят ответить.

Вступительные экзамены в гимназию Мать провалила. Семья никак на это не отреагировала, как будто она и не подавала никогда никаких надежд. Парад продолжался. Мать пошла в местную общеобразовательную школу, наводненную болванами-фермерами и их будущими женами, и все они воняли навозом. У нее была одна-единственная подруга – Карен, болезненно худая, бесконечно скучная; ее семья переехала в деревню недавно. Когда Карен прикуривала сигарету, в глаза бросались ее кровоточащие, поломанные ногти. Учителя говорили, что Мать рассеянна и учится через пень-колоду. А разве могло быть иначе, ведь ясно как день: ее место не здесь. У нее появился псориаз – зудящие пятна на локтях и под глазами, – и она стала очень чувствительной. Мама так и объясняла жителям деревни, когда ее спрашивали в магазине, что же случилось с Деборой: она очень чувствительная девочка. В довершение всех бед Пэгги как-то умудрилась сдать экзамены в ту самую гимназию и теперь разговаривала со всеми отрывисто и жеманно, и голос ее пронзал все стены их наклоненного дома. И это Пэгги, для которой она пожертвовала всем.

Иногда по вечерам можно было увидеть, как Мать, не сменив школьную форму, направляется через всю деревню в Сельскую христианскую церковь – на мессу. Она шла быстрым шагом, согнув руки в локтях, колготки на щиколотках собирались складками, – и всегда одна. Приходила прямо перед началом службы и уходила до того, как прихожане поднимались со своих мест. В деревне ее называли образцом всепрощения. На самом же деле ей просто нравилось уходить по вечерам из дома, а еще – видеть, как облегченно улыбаются прихожане, радуясь тому, что она их простила.

В шестнадцать лет, обладая довольно поверхностными знаниями, Мать распрощалась со школой, записалась на курсы секретарей в городе и, как только представилась возможность, уехала из деревни – перебралась за болота, в пригород, избавившись таким образом от Пэгги с ее новой манерой речи и от необходимости ухаживать за отцом, который все больше уходил в себя. Со временем он иссох, вжался в обивку своего кресла. Когда она подошла, чтобы поцеловать его прощание, он вздрогнул, словно от удара.

Когда мы с Итаном были маленькими и еще не конкурировали друг с другом, родители позволяли нам выбрать историю на ночь. (Отец считал, что книги не идут ни в какое сравнение с его рассказами; «Кому нужна была бумага во

времена Гомера!» – говорил он, не удосужившись заглянуть в историю развития бумажной промышленности.) Итан больше всего любил слушать драматическое повествование о своем появлении на свет, которое всегда заканчивалась тем, что Мать сдвигала ковер в гостиной и показывала коричневое «родимое» пятно, оставшееся на напольном покрытии в том месте, где родился сын. Моей же любимой оставалась история о том, как познакомились наши родители.

Как-то в субботний вечер Карен уговорила Мать поехать с ней в город. «Ну ты вообще стала скучная, – сказала она, – даже скучнее, чем раньше». (На тот момент Мать думала, что Карен не замужем, по-прежнему живет с родителями и у нее не все в порядке с головой; «Кто тут еще скучный», – говорила Мать.) Они нарядились в квартирке Матери; тогда она носила черное, распускала белоснежные волосы до самой талии и по любому поводу включала какую-нибудь грустную песню Элвиса. Прихватив бутылку рислинга, чтобы распить ее по дороге, они с Карен сели в автобус.

Вечер обернулся кошмаром. Они приехали в бар, расположенный довольно далеко от центра, – шаткие стулья, игровые автоматы, липкий пол, – где один из бывших любовников Карен работал барменом. Оба притворились, будто не ожидали увидеть друг друга, но Мать прекрасно поняла: они обо всем договорились заранее. Она была третьей лишней, и Карен позвала ее, чтобы не скучать, пока ее дружок работает. Они выпили водки с апельсиновым соком за счет заведения, и бармен подмигнул Матери, когда Карен отлучилась в туалет. В одиннадцать поставили пластинку – что-то тяжелое, Мать не слышала такой музыки раньше, – и Карен с барменом пошли танцевать. К ним присоединилась беззубая женщина, вся в блестках, а один из завсегдатаев, едва державшийся на ногах, виляя бедрами, направился прямо к Матери. Попереминавшись с ноги на ногу, она схватила со стула свою куртку и ушла прочь.

Она не знала, где находится, и побрела к автобусной остановке, в глазах стояли слезы. Обычно в это время она уже забывалась сном под своим теплым одеялом. В этой части города дома? располагались далеко друг от друга, и в пустырях между ними повисла такая темнота, что Мать не видела собственных туфель. Она шла через мертвые зоны, то и дело оступаясь, попадая то в лужу, то в рытвину. Она была абсолютно уверена, что совершенно заблудилась.

Примерно через полчаса Мать набрела на церковь, стоящую в стороне от улиц, в самом конце дорожки из гравия, вьющейся среди могил. Стены из кирпича теплого терракотового оттенка едва виднелись в темноте. Уже миновала

полночь, но в цветных окошках мерцал огонек – то горели свечи. Значит, внутри кто-то был.

Недолго думая, Мать распахнула двери. Она решила, что здесь можно переждать до утра и уйти задолго до начала первой воскресной службы. Она разулась на пороге, одернула подол. На каменном полу оставались влажные следы ее ног. В глубине придела горели пять свечей. Она прошла к ним на цыпочках, внимательно оглядывая каждую скамью. Дойдя до кафедры, обернулась и, изображая, будто приветствует прихожан, произнесла:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – откликнулся наш Отец.

У Матери затрепетало сердце. Он стоял на хо?рах, прямо над ней, опершись ладонями о перила.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – повторил Отец. – Я не ожидал, что кто-то зайдет.

– Я так глупо себя чувствую, – поделилась Мать. – Но я заблудилась.

– Это вовсе не глупо, – ответил Отец.

– А вы что здесь делаете?

– Помогаю. Проверяю новое освещение. Не хотите присоединиться? – И он поманил ее рукой.

Мать все еще дрожала.

– Да не бойтесь вы, – рассмеялся он, увидев, что она не двигается с места.

– Я и не боюсь. Как к вам подняться?

- Идите назад, ко входу. Сейчас я вам подсвечу.

Он исчез, и придел озарился ярким светом. Ей стало спокойно – как глупо все-таки бояться темноты. Путаясь в платье и придерживаясь за стены, обходя провода, транспаранты и штабеля стульев, Мать поднялась по лестнице так быстро, как только могла. Наверху она поискала его глазами, опасаясь, что это все розыгрыш и Отец, должно быть, где-то спрятался. Но он ждал ее, повернувшись к ней спиной.

- Кажется, вечерок у вас был тот еще.

В руках он держал коробку с предохранителями. На его предплечьях проступали мышцы, извивались вены. Он был как новый, неизведанный мир.

- Да. Не нужно было соглашаться. Просто моя подруга... очень давняя подруга. В общем, это была ее затея.

Он так и не соизволил к ней повернуться.

- Ну и где же она?

- С каким-то парнем, я думаю.

- Не похоже на настоящую подругу.

- Не похоже.

Он поднял прожектор, свисающий с хоров, и направил свет ей в лицо.

- Вот это волосы! – воскликнул Отец. – Весь свет вселенной собрался в них!

(«Весь свет вселенной собрался в них!» – превосходная фраза, не так ли? Хотя я и отрицаю это, но одно время – в детстве – она сильно впечатляла меня.)

- Ну а вы, – спросила Мать, – всегда проводите субботние вечера вот так?

– Нет. Иногда. Мне, знаете ли, нравится всякая техника. И вообще, мне нравится помогать.

Мать прислонилась к перилам рядом с ним. Ее волосы коснулись его руки.

– Но никогда прежде у меня не было компании, – сказал Отец и улыбнулся. – Так гораздо интереснее.

– О, я вовсе не интересная, – ответила Мать. – Можно даже сказать – скучная.

– Не может быть! Лучшее, что случилось в вашей жизни?

– Не поняла.

– Расскажите о самом лучшем, что случилось с вами в жизни. Когда рассказываешь о таком, невозможно быть скучным. Ну, давайте же!

Мать вспомнила о платье Принцессы, вспомнила лица жителей деревни на празднике урожая. В ее памяти их стало намного больше, и теперь она вела Парад на виду уже у сотен тысяч поклонников.

– Ладно, – согласилась она и уже знала, как именно будет об этом рассказывать.

Когда история была окончена, Отец сказал:

– Вот видите. Совсем не скучно. Хоть это и не самое лучшее, что случилось в вашей жизни.

– Серьезно?

– Ну разумеется, нет, – ответил Отец.

Он сосредоточил внимание на распределительном щитке и перекладывал его из одной огромной ладони в другую. Улыбался, сдерживал смех.

– Самое лучшее, – произнес он, – случилось с вами сегодня ночью.

– Это же скучно, – говорил Итан каждый раз, когда ему это рассказывали. – И почему тебе так нравится эта история?!

– Ты думаешь, все так и было? – спросила у меня Эви, услышав об этом впервые. – Или они повстречались на воскресной службе?

Я удивилась ее неверию – сама я почему-то никогда не сомневалась в правдивости этой истории. На самом деле мне просто хотелось, чтобы все происходило именно так. Мои родители в сумрачном, искрящемся свете – возлюбленные, парящие на хорах. Такими они нравились мне больше всего.

* * *

У Итана были свои планы относительно дома на Мур Вудс-роуд. И в пятницу, пока мы ужинали, и в субботу утром, во время арт-тура, организованного Аной, он держал их при себе. Но к полудню его терпение иссякло. Ана приготовила греческий салат и отыскала пляжный зонтик; мы сидели в саду, ели и разговаривали о работе Итана.

– А не прогуляться ли нам с тобой после обеда? – предложил он мне многозначительно.

Я тут же представила себе, как в Школе Уэсли он, должно быть, решительным шагом входит в учительскую и так же многозначительно приглашает пройти кого-нибудь из коллег, а те наверняка думают: «О! Прогулка с мистером Грейси...»

– Почему бы и нет, – ответила я.

Пройдя мимо площадок для крикета и цветочных клумб, мы вышли прямо к университетским паркам – там обнаружилась тенистая тропа, ведущая к колледжу Червелл. На открытых местах трава выцвела, стала пустынно-желтой, но под деревьями и вдоль реки она по-прежнему зеленела. Солнечные лучи как будто украли у Итана его достоинства. Его кожа сразу же побледнела, а едкие морщинки на лбу и между бровями не разглаживались теперь, даже когда он улыбался.

– А у тебя волосы стали еще темнее, – заметил Итан, – не понимаю, зачем ты красишься.

– Неужели? – ответила я. – Правда не понимаешь?

– Тебе больше идет быть блондинкой.

Я знала Итана достаточно хорошо, чтобы распознать в его словах боевой клич. Он сделал несколько зарубок в стене вражеской крепости, прежде чем перейти в наступление.

– Я просто не хочу видеть Мать, когда смотрю в зеркало, – сказала я. – Да и выгоды мне от этого никакой.

– В отличие от меня, ты хочешь сказать?

– Тому, кто сделал темой своих лекций личную травму, уже ничего не страшно.

– Исцеление личной травмы. И я ни в коем случае не осуждаю тебя, Лекс, правда, но... И тебе пора бы как-то выбираться. Ты знаешь, у столько людей это нашло отклик. И если ты присоединишься, все только выиграют от этого, точно тебе говорю. Я собираюсь в Нью-Йорк осенью. И мог бы тебя поддержать.

У меня горело лицо. Я остановилась и сглотнула, но Итан не заметил этого. Он теперь шагал впереди.

– Это превосходная платформа для того, чтобы говорить об образовании, – продолжал Итан.

– И о себе.

– Об образовании в контексте себя, в контексте собственного опыта. Ты же помнишь, как мы радовались, когда вернулись в школу? Я хочу, чтобы все дети радовались так же. Научились быть выше обстоятельств. Лекс, видела бы ты ребят, которых я учил, когда мне было за двадцать. Каждый – пуст внутри. В общем, я – за энтузиазм, такой, какой был у нас в свое время. И я не понимаю, в чем тут проблема.

- Да брось, Итан! Всем известно, что ты начинаешь со слайда с фотографиями типа «их разыскивает полиция».

- Нужно же как-то привлечь внимание.

Мы дошли до реки. За деревьями было видно, как лодки скользят по воде.

Я села на траву.

- В общем, учитывая все это, я хотел бы поговорить о доме. Номер одиннадцать по Мур Вудс-роуд.

Я закрыла глаза.

- Неужели?

- Мне кажется, это прекрасная возможность для нас. Для всех нас. Уникальная возможность.

- Да уж, уникальней некуда.

- Послушай, я предлагаю почти то же, что и ты. С небольшими корректировками. Общественный центр – да. Но пусть он носит наше имя: Общественный центр Грейси, Холлоуфилд. Если мы сделаем так, о нас напишут статьи в газетах, и получится организовать церемонию открытия. Можно привлечь государственное финансирование. Ты сможешь многим людям. Подумай об этом. И потом, вполне логично какую-то часть этого дома посвятить нашей семье, разве нет? Какой-нибудь мемориал? Или, может, цикл аудиорассказов. Мы могли бы... могли бы даже оставить одну из комнат такой, как она есть, – чтобы люди понимали, через что нам пришлось пройти. Не знаю. Я еще не до конца все обдумал.

- Короче – музей.

- Я не говорил о музее.

– Никто в городе не захочет устраивать там храм, посвященный такому прошлому.

– Почему нет? Если это привлечет внимание и инвестиции?

– Мы совсем не прославили Холлоуфилд тогда, – сказала я. – Нет, Итан. Не нужна там наша фамилия. Просто полезный обществу центр. Что тебя не устраивает?

– Впустую потраченные усилия. Я много чего мог бы из этого извлечь, Лекс. Хотя бы подумай.

– Нет, без вариантов.

– Но тебе потребуется и мое согласие, не забывай. Это палка о двух концах. С кем кроме меня ты успела поговорить? С Далилой? Гэбриелом?

– Нет. Только с Эви.

Итан рассмеялся. Отмахнулся от меня, как от нерадивой ученицы, которая, что ни делай, все равно безнадежна.

– Ну да, – сказал он. – Конечно.

Я сказала Итану, что домой хочу пойти одна; он ушел, а я нашла тихое солнечное местечко и позвонила Биллу. Он не ответил. Я так и думала. Возможно, он где-то в зоопарке или на пикнике, и на нем, скорее всего, виснут его дети. И наверняка он опять потеет.

Разговор с Итаном взбудоражил меня, и я набрала номер Билла снова.

Он ответил с третьего раза.

– Я тут подумала, – начала я, – и я согласна.

– Александра? Это вы?

Из трубки доносилась музыка, а Билл уходил от нее, как будто искал укромный уголок. Я смутилась. Наверное, он шепчет сейчас всей своей родне: «Это девочка Грейси. Та самая. Я на минутку».

– Счастлив это слышать! – воскликнул он. – И ваша мама – она тоже была бы счастлива.

Счастье Матери – истрепанное, как ветхая веревка.

– Сомневаюсь, – ответила я. – Как бы то ни было, у нас с сестрой есть идея...

И я «повела» его по всем комнатам нашего центра; когда мы «пришли» в сад (кругом нарциссы, да еще грядка овощей, выращенных ребятами из начальной школы), он засмеялся и едва не выронил телефон.

– Это же здорово! Здорово, Лекс. А остальные бенефициары – они согласны?

– Мы работаем над этим, – ответила я и, не дождавшись ответа, добавила: – Мы в процессе.

«В процессе» – это было выражение Девлин из ее «Современного разговорника для общения с клиентами» – синоним «вскоре» и «в самое ближайшее время».

– Кроме того, нужно будет еще узнать о возможности финансирования. Для того, чтобы все перестроить. Это окажется намного сложнее, чем мы ожидали, Билл. Вы вовсе не обязаны нам помогать.

– Знаю, Лекс. Но я очень хотел бы.

Мне оставалось лишь получить согласие остальных бенефициаров. Он же пообещал заняться документами. Заявки на перепланировку, утверждение завещания, акт, подписанный исполнителем завещания. Для меня – новый язык смерти и недвижимости.

– Учитывая то, откуда взяты деньги, нужно хорошенько продумать, как лучше подавать заявку в комитет. Возможно – если вам захочется, – мы могли бы

проехать до Холлоуфилда и подать заявку лично. Блудная дочь возвращается! – воскликнул Билл.

Несмотря на то что он провел с моей матерью уйму времени, Евангелие он явно не читал.

После ужина Итан ушел. У него намечалась встреча в центре города, в отеле, с несколькими членами правления Школы Уэсли; встреча была поздняя, и он сказал, чтобы мы его не ждали.

– Поначалу они ведь терпеть меня не могли, – возмущался он. – Слишком молодой, слишком высоко взобрался. Слишком – как там они говорили, Ана? – слишком «революционный». А теперь хотят, чтобы я ужинал с ними в чертов выходной.

Весь вечер он был мрачнее тучи, критиковал стряпню Аны и так рьяно подливал вино, что оно скатывалось по ножкам бокалов и растекалось по деревянной столешнице.

– Слава богу, ушел, наконец! – сказала Ана. – Извини, Лекс.

Мы молча убрали со стола. Тарелки Ана расписала вручную; по мере того, как с них исчезала еда, проступали кипарисы и оливковые деревья.

– Не убирай бокалы, – попросила она. – Я открою еще бутылку.

Я взяла из раковины тряпку и вытерла со стола красные следы от вина. Мы уселись на улице друг напротив друга, скрестив ноги по-турецки, как дети, которые собрались играть в ладушки.

– Ну, – протянула я, – расскажи мне о свадьбе.

До знаменательного события оставалось три месяца. Они поженятся в Греции, на острове Парос. Там есть аэропорт; ну как аэропорт – просто низенькое здание, будто лачуга, да бетонная взлетная полоса.

В детстве Ана приезжала туда на каникулы и уже тогда безапелляционно заявляла отцу, что ее свадьба состоится здесь, и только здесь. Ей нравилась белая церквушка на вершине горы – на пике мира, как ей чудилось тогда. С наступлением сумерек оттуда был виден каждый огонек на острове, будь то машина или дом. Ана представляла, как какая-нибудь пара возвращается домой с ужина в автомобиле и по дороге выясняет отношения или же как одинокая вдова, лежа в постели, протягивает руку, чтобы выключить светильник перед сном.

– И всегда такие вот печальные картинки, – пояснила Ана. – Я была очень меланхоличным ребенком. – Она оторвала взгляд от неба, словно вспомнив, что рядом нахожусь я, и добавила: – Но без всяких на то причин.

– Я уже забронировала билеты. Жду не дожусь, – сказала я.

– Ты по-прежнему можешь приехать с кем-нибудь, если хочешь.

Я рассмеялась.

– Ну, если я успею закрутить с кем-нибудь роман – времени-то осталось всего ничего.

– Ты в любом случае не будешь одна. Далила тоже приедет.

– Да уж. Интересная выйдет встреча.

Даже в темноте я заметила, как Ана будто вспыхнула от неловкости. Ей очень хотелось бы, чтобы все мы, веселые, наряженные в шифон, сидели на церковных скамьях, на половине жениха. А что в итоге? Эви и Гэбриел не приглашены вовсе, а я и Далила не разговариваем. Мы с Эви долго изучали список приглашенных и вместе с тем открывали, насколько корыстолюбив Итан. Пришли к выводу, что ее место займет или член парламента, или же председатель благотворительного общества.

– Кто-нибудь до такой степени полезный, что никто не захочет сидеть с ним рядом, – заметила Эви, умолкла на мгновение, а потом пожала плечами: – Ну, мы, в общем-то, и не дружили никогда.

– Лекс...

Ана подняла ладонь и потерла пальцами, словно пытаясь схватить в воздухе нужные слова.

– Иногда, – продолжила она, – мне просто становится интересно...

Она пристально смотрела на кухню в другом конце сада – пустую, утопающую в мягком свете. Наконец-то стало прохладно. Над нашими головами, сталкиваясь друг с другом, раскачивались на ветру дубовые ветки, и казалось, будто они пьянее нас. Ана поставила на землю бокал и вытерла слезинки в уголках глаз.

– Извини, – сказала она.

– Ничего, – ответила я.

– С Итаном непросто. Во всем у него должен быть успех. Школа, презентации, благотворительные дела. Наша свадьба. Ты знаешь, что он плохо спит, так ведь? Я проснусь среди ночи, а он читает или работает. И так было с самого начала. Сейчас я часто слышу, как он бродит по дому. А днем он, бывает, вдруг закрывается, и между нами образуется стена... и я не могу через нее перебраться. Не понимаю его. Мне достаточно, когда мы с ним счастливы вдвоем. Но для него все иначе.

– Успех любой ценой, – кивнула я.

– Да. Именно так. И человека, который по ту сторону стены... Я боюсь, что совсем не знаю его. Порой, когда, например, я задам какой-то глупый вопрос или скажу, что подготовиться к собранию можно и утром, он так на меня посмотрит... мне кажется, это кто-то другой, просто с лицом Итана. И... – Она рассмеялась. – Не могу сказать, что этот человек мне сильно нравится.

– Он когда-нибудь рассказывал тебе о нашем детстве?

– О чем-то рассказывал, – ответила Ана, – а о чем-то нет. И, знаешь, я отношусь к этому с уважением. Я ходила на его выступления. Знаю, сколько он выстрадал. Мне бы только... нашлось бы хоть что-то, что помогло бы мне его понять.

Заставлять мне его говорить или нет? Можешь ли ты подсказать?

«Бросай его», – подумала я. Эти слова висели у меня на кончике языка; я чувствовала их вкус; слышала, как они прозвучат, когда слетят с моих губ. Тебе нужно понять, объяснила бы я ей, который из этих двоих на самом деле мой брат: человек, с которым ты давно знакома, или же тот, которого ты открыла для себя совсем недавно.

Но я представила себе, что будет, если я это все-таки скажу: Итан бродит по кучкам щебня, в который превратилось все то, что он выстроил.

– Просто жди его, – произнесла я. – Когда он становится таким, он просто уходит; туда, куда ты, как мне кажется, навряд ли захочешь за ним последовать. Но он всякий раз будет возвращаться – к тебе.

– Ты так думаешь?

– Уверена.

Она подалась вперед, коснувшись коленями травы, и взяла меня за руки.

– Спасибо тебе. – Слеза катилась по ее щеке, но Ана улыбалась. – Моя новая сестра.

* * *

Когда я подросла и уже поняла, куда уходит Итан, я каждый день стояла в прихожей, сжимая в руках подушку, и с нетерпением ждала его и Мать. Он учился в начальной школе на улице Джаспер в восьми минутах ходьбы от нашего дома, вверх по дороге, но мне каждый раз казалось, что перед тем, как вернуться домой – торжествующим и готовым, хоть иногда и неохотно, поделиться новыми знаниями, – он обошел весь мир. В третьем классе, когда Итану исполнилось семь, их учителем был мистер Грегс. На своих занятиях он обсуждал с учениками факт дня, слово дня и новость дня.

Факт, слово и новость дня – первое, что сообщал мне Итан, вернувшись из школы, пока Мать кормила Далилу.

По словам Итана, истории одноклассников были и интересными, и не очень. Мишель, например, поведала классу, что она заняла второе место на соревнованиях по гимнастике, – ну разве это новость?!

Каждый раз, когда наступала очередь Итана, он выходил из дома на цыпочках, охваченный радостным волнением, а я выкрикивала пункты ему вслед. Я была уверена: мой брат – самый умный человек в мире.

Некоторые из фактов дня Итана я помню до сих пор: однажды, сидя в пабе с Джей Пи, я взяла карандаш и ответила на вопрос викторины – нужно было написать столицу Тувалу[16 - Тихоокеанское государство в Полинезии площадью 26 км

.].

– «Фунафути», – прочел Джей Пи. – Ты не могла это придумать.

Мы получили по бесплатной текиле как единственные, ответившие верно; когда я опустила стакан, Джей Пи лишь руками развел.

– Фунафути, – повторил он. – Будь я проклят!

Прежде чем устроиться преподавателем в школу на Джаспер-стрит, мистер Грегс целый год колесил по миру. Однажды мы пили чай, и Итан с круглыми, словно глобусы, глазами рассказывал мне о вещах, которые хранились у учителя в кабинете. Он видел там «русских кукол» – тех, что живут одна внутри другой, – и маленькую бронзовую копию моста «Золотые Ворота» в Сан-Франциско. Лежало у мистера Грегса и кимоно из Японии – оно подходило и мальчикам, и девочкам, потому что в Японии его носят и те и другие, – и ковбойская шляпа с настоящего Дикого Запада.

Вернувшийся в это время с работы Отец зашел к нам на кухню. Был скучный февральский вечер, Отец еще не снял пальто, и оно пахло морозом. Он вытащил из холодильника четыре куска хлеба, сунул их в тостер.

– Дикий Запад – это не место, – сказал он.

– Что?

– Дикий Запад. Этот мистер Грегс просто посмеялся над тобой, Итан. Он не мог там побывать, потому что на Земле такого места нет.

Я взглянула на Итана, но тот сосредоточенно смотрел на свои ладони, сложенные в молитвенном жесте.

Отец намазал масло на тост и покачал головой:

– Не думал я, что ты настолько тупой. Купиться на такую чушь!

Отец не давал нам фактов, он учил нас разным философиям. Согласно одной из них ни один человек – даже хорошо образованный или очень богатый – не мог быть лучше, чем другие; в особенности ни один человек на свете не мог быть лучше Грейси.

– Кто он такой? Дебора? – позвал он.

Мать с трудом вышла из гостиной с Далилой на руках и с Эви в животе.

– Что такое?

– Этот мистер Грегс, учитель Итана.

– Да, что там с ним?

– Он как вообще? Нормальный? – спросил Отец и, согнув последний кусочек тоста вдвое, умял его со своей ухмылкой.

– Немного со странностями, – ответила Мать. – Так мне показалось на собрании.

Отец рассмеялся. Он был доволен.

Синий рабочий комбинезон, который он носил, не вмещал его гогот; Отцовские тела выпирали из него, как магма, изливающаяся на земную поверхность.

После того как мистер Бедфорд уволил его, отец работал электриком в Блэкпуле, в «Викторианском отеле», стоявшем прямо на побережье, и должен был носить ту же униформу, что и уборщики.

- Конечно же, это временно, - говорил он.

Когда они с Матерью познакомились, Отец говорил, что он - бизнесмен; в некотором смысле это было правдой.

Вечерами по выходным он по-прежнему сидел в городском офисе - грязно-белые жалюзи, табличка, напечатанная на заказ: «"Сиджи Консалтинг" - идеи с огоньком». Он давал консультации по выбору компьютеров, чинил кассетные плееры, а в субботу после обеда вел никому не интересные занятия по программированию. Он принимал детей любого возраста, но даже в самые лучшие дни к нему приходило не больше двух-трех угрюмых мальчишек, которые входили в помещение один за другим в сопровождении своих матерей. Мальчишкам нравилось стучать по клавиатуре, матерям - разговаривать с Отцом. Отцу хотелось рассказывать о компьютерах, мамам - беседовать о нем самом. Отец начинал говорить, только убедившись, что аудитория внимает ему, затаив дыхание; каждую фразу он тщательно взвешивал, оттачивал и провозглашал.

Когда он заканчивал, мамы молчали, предвкушая его следующую речь: им нравились его спокойствие, борода, темная шевелюра и крепкие руки, бегающие по клавиатуре, - представлять, как его пальцы касаются их кожи, было так легко.

- Я обратно, - сказал Отец и встал из-за стола.

Одна мамочка из клуба программистов попросила его о встрече - хотела проконсультироваться, какой ей лучше приобрести компьютер: «Макинтош» или IBM. Ему предстояло провести насыщенный вечер в «Сиджи Консалтинг». Итан ждал, когда хлопнет входная дверь. Как только это произошло, он пулей промчался мимо нас с Матерью и устремился вверх по лестнице. Он тоже спешил «на работу».

Воскресный ужин: раз в две недели нашу выдержку проверяли пудингом с говядиной и почками. От этой лопающейся во рту массы меня тошнило.

Накануне, в субботу утром, Итан сбегал в городскую библиотеку, тайком пронес в дом целый рюкзак книг и никому их не показывал; он сложил свою добычу стопочкой на кровати и выпроводил меня из комнаты.

Мы сидели за кухонным столом и ждали его. Далила капризничала и вертелась у Матери на руках. С глухим шлепком Мать извлекла грудь из своего платья и предложила ей.

- Ну все, - сказал Отец и поднялся. - Я сейчас приведу его.

Но этого не потребовалось. На лестнице слышались легкие шаги, и в дверях кухни появился Итан.

- Извините, - произнес он.

Он молчал, пока мы ели пудинг с говядиной и почками; молчал, когда мы убрали посуду в раковину; молчал, когда Отец велел принести ему ликер, - осторожно вынул бутылку из запретного буфета и наполнил отцовский свадебный стакан так, как его учили. Как и Отец, Итан хорошо понимал, насколько важно выбрать правильный момент для того, чтобы заговорить. Когда мы все снова сидели за столом и наблюдали, как Отец пьет, Итан откашлялся. Он очень нервничал, поэтому сразу, без всяких вступлений, перешел к делу.

- Такое место есть, - сказал он. - Дикий Запад.

Я подняла взгляд. Отец облизнул мокрые губы. Он катал стакан донышком по столу, наблюдая, как его янтарная поверхность переливается в свете кухонной лампы.

- Что это? - спросила Мать.

- Ну, куда ездил мистер Грегс. Я прочитал. Так называли зону освоения на западе, когда на ней впервые поселились люди. Там не было никаких законов, только ковбои, первопроходцы и салуны. Сейчас там уже, конечно, все по-

другому, но поехать туда можно. В Техас, или в Аризону, или в Неваду, или в Нью-Мехико, где и побывал мистер Грегс.

Отец оставил в покое бокал и откинулся на спинку стула.

– То есть ты хочешь сказать, что вы с мистером Грегсом гораздо умнее меня? Так, что ли?

Я тяжело сглотнула. Мне показалось, что пудинг застрял где-то между горлом и животом.

– Нет, – ответил Итан. – Я просто говорю, что ты ошибся насчет Дикого Запада. Такое место существует, и мистер Грегс вовсе не дурачил меня.

– Не понимаю, Итан, о чем ты говоришь, – сказала Мать.

– Ты не слушала, что ли? – спросил Отец. – Он говорит, что он намного умнее всех нас. – И снова обратился к Итану: – Ну а чему еще ты можешь научить свою семью? Давай, расскажи нам еще что-нибудь!

– Я могу рассказать о ковбоях, – отозвался Итан. – А еще я читал о жизни первых поселенцев. Они получали письма от друзей, родственников с фронта – те звали их к себе, на запад...

Отец расхохотался.

– Знаешь, Итан, что происходит, когда считаешь себя очень умным? – спросил он. – Ты становишься невыносимо скучным и всем надоедаешь.

В глазах Итана задрожали слезы.

– Тебе просто не понравилось, что я прав, а ты – нет!

Последующие движения Отца напомнили мне о крокодилах, которых показывали в телепередачах о природе – тогда я ими очень увлекалась, – мирных и безмятежных до тех пор, пока их добыча не зайдет в воду. Отец вскочил, перегнулся через стол и ударил Итана так сильно, что тот слетел со стула,

забрызгав кровью стол.

Далила, разбуженная грохотом, заревела.

– Меня сейчас стошнит, – прошептала я Матери, и это произошло тут же, в нескольких шагах от моего стула. Отец перешагнул через меня, скорчившуюся на полу – перед лицом все тот же пудинг с почками, – и распахнул парадную дверь. Он не закрыл ее за собой, и влажный ночной холодок проник в дом. Мать вытерла лицо Итана, мою рвоту и Далилу. Уже тогда ее подбородок и груди вытянулись от огорчений. Она стала угрюмой; взгляд, такой проникновенный на детских фотографиях, стал тяжелым и смиренным. Она допила ликер из Отцовского бокала и стала ждать его возвращения. В ее утробе ворочался новый ребенок. Парад продолжался.

* * *

Итан вернулся глубокой ночью. Я услышала, как внизу он говорит что-то Горацию, а потом снова уснула. Когда я проснулась вновь, он стоял на пороге моей комнаты, в коридоре позади него горел свет. Я вспомнила другой дверной проем – в доме на Мур Вудс-роуд; он стоял там точно так же. Его силуэт с тех пор не изменился.

– Поговорим? – предложил Итан.

Будто облучил меня, спящую, своим бодрствованием. Тонкая ткань дешевенькой пижамы, купленной на вокзале, собралась складками на моем животе и между ног. Я натянула одеяло до подбородка и щурилась, глядя на свет.

– Что такое?

– Ну, ты же у меня в гостях, значит, должна меня развлекать, – ответил Итан.

– На самом деле все должно быть наоборот, – заметила я.

Он прикрыл за собой дверь. В комнате запахло выдохшимся вином. На мгновение, пока он нащупывал выключатель, мы оба оказались в темноте.

– Как все прошло? – спросила я.

Он стоял, прислонившись к стене, и улыбался, как будто знал что-то, чего не знала я.

– Больше всего мне понравилось наблюдать, как они пытаются определить для себя, чего же им хочется больше – чтобы я преуспел или провалился. – Он замолчал, мысленно возвращаясь в гостиничный бар. По лицу было видно, что Итан доволен. Он не лез за словом в карман, метнул в них все свои претензии, и они еще не достигли цели – членов правления накроет позже, где-то к середине ночи.

– Ну а вы как провели вечер? Вы с Аной?

– Хорошо.

– Хорошо? Как именно хорошо?

– К чему ты клонишь, Итан?

– Для начала, – сказал он, – мне бы хотелось узнать, о чем вы разговаривали.

– Ни о чем. О свадьбе. О ее платье. Об острове. Ничего особенного.

– Мур Вудс-роуд?

– Эта не для беседы в субботний вечер, тебе так не кажется?

– Я хочу, чтобы ты поняла: у меня все сейчас складывается хорошо. Помехи мне совершенно ни к чему, Лекс. Я не могу отвлекаться на твои рассказы, особенно сейчас.

– Мои рассказы? – Я засмеялась.

– Я тщательно выбирал, что рассказывать Ане. Ты понимаешь, о чем я. Не хотел ее расстраивать. Есть вещи – конкретные вещи, – о которых ей не нужно знать.

– Правда, что ли? Неужели есть? – Я уже хохотала в голос. – Конкретные какие-то?

– Прекрати смеяться, Лекс! – закричал он. – Лекс!

Он пересек комнату и схватил меня за горло. Его ладонь обхватила мою шею. Всего на миг. Он просто показал мне, что может. Как только Итан отпустил меня, я выбралась из кровати, кашляя от потрясения.

– Прекрати, – произнес он. – Лекс, Лекс, пожалуйста.

Он протянул ко мне руки, всем своим видом демонстрируя, что желает примириться. Но на лице, как обычно, не отразилось ни одной эмоции. Я прислонилась к стене, отодвинувшись от него как можно дальше. Пот тек с головы на спину, перебирался на паучьих лапках.

– Только не разбуди Ану, – попросил он. – Пожалуйста.

– Некоторые конкретные... – Я ждала, когда перестану дрожать, чтобы закончить фразу. – Какие, например? То, что ты – наследник трона? Истинный сын своего отца?

– Это нечестно!

– Знаешь, я всегда считала, это ты нас спасешь, – продолжала я. – Ждала, думала: его ведь даже не привязывают. Ну не сегодня, так завтра. Когда ему стукнет восемнадцать. Когда он сможет выходить из дома в любое время.

– Я пытался, Лекс! Когда мы были маленькими. Ты разве не помнишь? Тогда я еще мог. Потом мне уже не хватало смелости.

Мы разглядывали друг друга через кровать. Теперь он казался мне меньше – Итан, которому не хватило смелости. Итан с милым личиком, вызывающим сочувствие.

– А по-моему, все было не так, – сказала я. – Я помню все совсем иначе.

Он присел на кровать и принялся разглаживать складки на одеяле.

Мы прислушались, не проснулась ли Ана, но в доме было тихо: полы, книжные полки, эркерные окна – все дышало спокойствием.

– Так или иначе, сегодня мы разговаривали о других вещах, – сказала я.

Он кивнул.

– Иди спать, Итан.

– То, о чем я говорил, – произнес он. – Ну, про членов правления...

– Да?

– Я не провалюсь. Правда ведь?

– Не сомневаюсь.

Он пьяно улыбнулся. Улыбнулся весь. Глаза – тоже. Как будто уже забыл о случившемся пару мгновений назад.

– Спасибо. – Он поднялся и, пошатываясь, пошел к двери.

Я слышала, как он удаляется по коридору к себе в спальню, задевает картину где-то на полпути. Затем зашуршал их с Анной матрас. Я сидела, прислонившись к стене и вытянув ноги, и держала себя за горло так же, как держал он, – сначала сильно, затем слабее, – убеждаясь, что пальцы слушаются меня, а тело подчиняется командам, поступающим из мозга. Я вернулась в постель только после того, как почувствовала, что мне стало от этого приятно...

* * *

Когда больничная палата надоедала, доктор Кэй помогала мне забираться в инвалидное кресло, и мы кружили по коридорам. Мне нравился больничный двор, хотя это был просто лысеющий садик между отделениями, в котором чаще

всего курили и вели важные телефонные переговоры. Врачи требовали, чтобы, выходя наружу, я всегда надевала темные очки, и доктор Кэй, которой не понравились те, что мне выдали в больнице, обещала принести свои. Так меня и выкатывали – в пижаме, закутанную в одеяло и в «Вэйфарерсах»[17 - Wayfarer – марка солнцезащитных очков.].

В тот день следователей не было.

– Меня попросили задать тебе один конкретный вопрос, – начала доктор Кэй. – Довольно деликатный.

Мы сидели рядышком – она на скамейке, я в инвалидном кресле. Она полагала, что разговаривать о трудных вещах проще, когда не смотришь друг на друга.

– О твоём брате. Итане.

Я догадывалась, ждала чего-то подобного. До сих пор следователи не задавали вопросов о нём. Прошло, наверное, больше месяца с тех пор, как я последний раз слышала его имя.

– Видишь ли, – продолжила доктор Кэй. – Он выглядел не так, как вы. Крепче. У него ничего не было сломано. Он не был прикован.

Я сцепила пальцы и убедилась, что доктор Кэй не видит их под одеялом.

– По данным видеонаблюдения можно предположить, что ему даже разрешалось выходить из дома.

Я представила, как следователи сидят, сгорбившись перед экраном, и просматривают видео – целый год одной и той же скучной улицы. Искали кого-нибудь, похожего на Итана.

– Полицейские интересуются, – продолжала доктор Кэй, – страдал ли он вообще? Или он играл совсем другую роль?

Следователи работали целый месяц. Они ждут звонка доктора Кэй по итогам нашего разговора. Их челюсти плотно сжаты, все документы уже готовы.

- Итан когда-нибудь причинял тебе вред? - спросила она.

Я постаралась сделать лицо, как у нее - словно фасад дома, - и ответила:

- Нет.

- Мне, наверное, не следует этого говорить, но я все-таки скажу: время выгораживать кого бы то ни было прошло.

- Он ничего не мог поделать. Как и все мы.

- Точно?

Я решилась посмотреть ей в глаза, поверх очков - так, чтобы она поняла: я действительно уверена в своих словах, - и ответила:

- Да.

* * *

Оксфордский дом этим утром был прекрасен. Солнечный свет покоился на моем стеганом одеяле большим прямоугольником. На холсте, висевшем в гостевой комнате, Ана изобразила реку в движении; она повесила его напротив окна, и сложно было понять, где свет был нарисованным, а где - настоящим. Пинком отбросив одеяло, я потянулась навстречу теплему дню. Представила на мгновенье, будто этот дом - мой и я в нем одна. Я взяла бы в кабинете какую-нибудь книгу и провела бы с ней все утро в саду. И ни с кем не разговаривала бы потом целый день.

Ана и Итан были внизу, на кухне - стояли рядышком, касаясь друг друга. Идиллия воссоединения.

- Как твоя встреча? - поинтересовалась я.

Итан обернулся ко мне и невозмутимо ответил:

- Отлично!

Рубашка поло, волосы влажные.

- Они пришли прямо с генеральной планерки, в преддверии подведения итогов. Предсказать, конечно, ничего нельзя. Но я настроен оптимистично.

Итан налил мне кофе, белки? его глаз были желтоватыми, с красными прожилками.

- Ты, наверное, поздно вернулся? Я не слышала, когда ты пришел.

- Да нет, не очень. Сегодня в школе день спорта - мне нужно быть в форме. Мы с Анной - ведущие. Здорово, если и ты присоединишься.

- Спасибо, но я поеду обратно в Лондон, на поезде. Как ты верно заметил, мне нужно обдумать, что сказать остальным.

- Ладно. Мы готовим яичницу, останься хотя бы на завтрак.

Мы ели молча, глядя на сад. Закончив, Итан взял Анну за руку.

- Да, пока я не забыл, - сказал он, хотя забыть он, конечно, никак не мог. - Мы с Анной обсудили твоё предложение - о том, что можно сделать с домом.

Рот у меня был занят. Я просто кивнула.

- Прекрасная идея - устроить общественный центр в таком городке. И никаких ассоциаций с нами. Звучит интересно, Лекс. Скажи, что я должен подписать.

- Я думаю, мы сможем помочь, - добавила Анна. - Краски, бумага... все анонимно, конечно.

- Да, - ответила я. - Разумеется.

Я вдруг вспомнила, как на переговорах Девлин демонстрирует напускную мягкость, когда оппонент ожидает от нее этого меньше всего; возникает ощущение, что она доверила ему самый ценный секрет, и не остается ничего другого, кроме как проникнуться к ней симпатией.

- Можно, пожалуй, придать этому делу небольшую огласку, - сказала я. - Если ты думаешь, что это поможет привлечь финансирование.

- Это просто здорово! - воскликнула Ана.

Она хлопнула в ладоши, вскочила из-за стола и поцеловала Итана в макушку.

- Летнее платье на выход? - спросила она. - Или что-нибудь менее официальное?

- Надень платье, - попросил Итан.

Ана кивнула и умчалась наверх.

Я взглянула на брата.

- Что? - спросил он. - Я просто подумал... мне это не нужно на самом деле. Если это сделает тебя счастливой - вперед. Ну и твоя идея очень понравилась Ане.

- Ты уверен, что не нужно?

- Почти. У меня есть одно условие.

- Шутишь, да?

- Я все подпишу. Но раз мы делаем по-твоему, ты сама всем и занимаешься - сносом, финансированием, чем там еще... Я больше и слышать об этом не желаю. Я хочу сказать: оглянись вокруг - вот так я сейчас живу.

Я посмотрела на сонных пчел, кружащих над травой; на расписанные вручную тарелки с остатками яичницы; на Горация, дремлющего в другом конце сада под

подсолнухами, которые вырастила Ана. («Каждый год здесь проходит соревнование, – пояснила она серьезно, – между старушками Саммертауна. Но в этом году его выиграю я».)

– Даже видеть тебя – иногда уже чересчур, – закончил Итан.

Я много чего могла бы на это ответить, но любой из этих ответов испортил бы мне все дело.

Кивнув, сказала:

– Хорошо.

Мы пожали друг другу руки, как будто снова стали детьми и всерьез поспорили, кто правильно назовет столицу Танзании. Вспомнив это, я улыбнулась, но название столицы в голову не пришло, и тогда я спросила у Итана. И поступила правильно: это оказалось шагом к перемирию.

– Это точно не Дар-эс-Салам, – произнес он.

– Определенно, – согласилась я.

– Додома. – Он посмотрел на меня торжествующе, затем задумался. – Мистер Грегс и его столицы...

– Я помню их.

– Хотя нет – не Додома.

– Не Додома.

– Знаешь, в прошлом году я проводил презентацию на конференции школьных директоров. Это крупное событие. Туда съезжаются директора школ со всего мира. В самом конце моей речи, когда в зале раздались аплодисменты и уже можно было расслабиться, я посмотрел в зал и вдруг в толпе увидел его – мистера Грегса. Он сидел на одном из задних рядов, хлопал. Мне даже показалось, я поймал его взгляд. Потом я искал его у стойки с напитками, но там

было столько народу. Да и на прощальном вечере я так и не увидел его. Но решил, что все равно разыщу мистера Грегса. Запросил список участников конференции – его там не оказалось. Я подумал, в списке опечатка или его просто пропустили, затем искал среди всех школьных директоров страны. И опять не нашел. Я искал везде и всюду. И выяснил: на той конференции его никак не могло быть, потому что он умер. Пятью годами раньше. Он так и остался учителем, преподавал в одной общеобразовательной школе, в Манчестере, и умер прямо на работе.

Я вспомнила, как Итан уходил на уроки в те дни, когда была его очередь выступать, – его просто распирало от знаний.

– Мне жаль.

– Не стоит. Он ведь, в общем-то, мне никто. Но учителем был отличным.

Раздались шаги – к нам спускалась Ана. Мы стояли вдвоем и смотрели, как она идет через кухню. В желтом платье, раскинув руки на солнечном свете, она будто собиралась обнять нас.

– Как это ни странно, – успел сказать Итан прямо перед тем, как Ана подошла, – я вспоминаю его каждый раз, когда где-нибудь выступаю. И мне нравится думать, что он до сих пор где-то там, в толпе.

3. Далила (Девочка Б)

Старшему инспектору Грегу Джеймсону шестьдесят пять, он толстый, давно в отставке – как старый и уже никуда не годный цирковой пес. Каждое утро его жена Элис наливает ему чай, намазывает маслом тосты, кладет газету и приносит все это на старом больничном подносе, который унесла с работы. В качестве компенсации за бесконечно длинные ночные дежурства, как она сказала. Десять часов, шторы в спальне колышутся, утопая в утреннем солнце, и в эти минуты кажется, что ночные смены окончательно позабыты.

Его дни насыщены. Он любит сад и слушать крикет по радио. Ему нравится плавать в открытом бассейне «Пелз» раз в неделю, но только летом. Стоя на траве и снимая с себя одежду, он каждый раз изумляется огромному белому животу и седым волосам на груди. Еще его удивляет, что он не тонет. Зимой он впадает в спячку, поедая печенье и читая спортивные биографии. Он выступает в школах и общественных центрах в Лондоне, рассказывает о своих дежурствах; о том, как был следователем; говорит детям, что и они могли бы этим заниматься. Иногда те задают ему интересные вопросы, и тогда он понимает, что они действительно слушали – значит, день прошел не зря. А в следующий раз вдруг спросят: «А вы носили шляпу?»

Временами. И тогда он начнет вспоминать.

Бывали дни, когда Джейсмон возвращался домой под утро, в его душе разгоралась ненависть ко всей человеческой расе, и он задумывался, а не собрать ли ему рюкзак и не переехать ли в какое-нибудь местечко, самое что ни на есть уединенное – Бен Армин[18 - Отдаленный холм в Сазерленде, на крайнем севере Шотландии.], может быть, или Сноудонию[19 - Регион на севере Уэльса, где расположен национальный парк.], – и вести там жизнь отшельника. («А лучше, – пораскинул он умом, – прикинуться местным чудаком»; тогда ему будут давать горячую еду в придачу и пускать в пабы.)

Случались дни, когда он не мог разговаривать с Элис, потому что она была невысказанно далека от его смен и от дежурств, – верила, что люди в целом добры. Она пела на кухне, но расстраивалась и переживала, когда получала по почте благотворительные листовки о жестоком обращении с животными. Что тут скажешь?

Да. Временами он носил шляпу.

Он раскрыл много дел и выбросил их из головы.

Но были и другие – открытые, как дверь зимой, и Джейсмон до сих пор чувствовал, как от них тянет стужей.

Вот например: двадцатилетний парень, Фредди Клюжек, пришел к другу на вечеринку, которая проходила в пабе, в зале для мероприятий. Второй этаж. Камера скрытого наблюдения, установленная на лестнице, ведущей к этой

комнате, зафиксировала Фредди с двумя приятелями и подарком в руках.

Когда вечеринка окончилась и зажегся свет, друзья стали искать его, но напрасно. Ничего особенного – ушел пораньше, потому что слишком устал или много выпил. Спустя два дня его девушка забила тревогу. Оказалось, после праздника его никто не видел. Записи видеонаблюдения легли на рабочий стол Джейсона, как долгожданное приглашение. Все сотрудники собрались вокруг и, вытянув шеи, жадно вглядывались в экран – выявляли детали. Семьдесят два часа провел Джеймсон, отслеживая каждого, кто поднимался по этой лестнице в тот день, и все они спустились обратно, кроме Фредди Клюжека. Особенно Джеймсона волновал подарок. Он тоже бесследно исчез. Следователь чувствовал себя очень нелепо, объясняя отцу Фредди, что его сын, по всей вероятности, выбрался из помещения через окно с коробкой в руках, но другого объяснения не нашлось – к тому времени каждую стену заведения разве что не разобрали на части, а хозяина паба уже тошнило от полиции и детективов.

Или другое дело: пятилетний ребенок вскарабкался на подоконник на третьем этаже и выпрыгнул. Джордж Каспер не умел читать и писать, к тому же был практически немым. Не мог, по словам его учителя, даже переворачивать страницы в книге, лишь смотрел на них, как на что-то мертвое и плоское. Любил птиц, как сообщила его мать. И дала случившемуся такое объяснение: Джордж придвинул стул к окну, чтобы рассмотреть их ближе. Сорвался с подоконника – перепачканный Икар, полуголый, неспособный даже закричать.

– Какой именно стул? – спрашивал Джеймсон, но мать не смогла вспомнить; она якобы отодвинула его, чтобы выглянуть из окна и посмотреть на распластанное на земле тело. Джеймсон попробовал на вес все три стула в этой квартире – ну не мог этот щуплый ребенок сдвинуть с места ни один из них. В комнатах обнаружилась настоящая какофония ДНК: мальчик побывал везде и всюду. Во всех постелях были следы всех проживающих в квартире; эксперты даже анализ собачьего дерьма сделали по ошибке.

Джеймсон не знал точно, как так получилось, что ребенок упал на бетон, но, глядя на его родителей, заподозрил: они не просто недоглядели – они проявили жестокость.

Действия, которые он предпринял дальше, нельзя назвать профессиональными. Те месяцы стали самыми гнусными за всю его карьеру. В джинсах и рубашке Джеймсон прохаживался под дверью их квартиры по вечерам, после работы –

слушал, что у них там происходит. Однажды последовал за отчимом мальчика в паб и выпил там шесть порций виски – шесть! – надеясь услышать что-нибудь, прежде чем всех посетителей попросят сделать последний заказ.

– Где ты был? – пробормотала Элис, когда он вернулся: запах табака, одежда, которую он стаскивал с себя в темноте, шуршала не так, как шуршала обычно его рабочая форма.

Однажды Джеймсон наткнулся на мать мальчика во дворе перед домом. Она несла сумки с покупками, а живот ее выглядел набухшим. Свернуть с дороги он бы не успел, поэтому просто улыбнулся ей – она сперва отвела взгляд, затем оглянулась.

– Вы же полицейский? – Она искала глазами форму или хотя бы значок.

– Да-да, просто патрулирую в штатском. Как поживаете?

Он взял у нее пакеты и поднялся с ней по лестнице. Она сказала, что будет очень рада снова стать матерью. Они такие милые, когда рождаются, – как щеночки.

– У вас есть дети? – спросила она, и он ответил, мол, нет, но он надеется, что когда-нибудь будут. Пожелал ей удачи.

В ту ночь он лег в постель не раздеваясь. Элис проснулась от того, что он плакал. От его рыданий сотрясался матрас. К тому моменту они уже пять лет как пытались завести ребенка. Он схватил жену в охапку – или это она схватила его, – осушил лицо, уткнувшись ей в волосы. Что толку сетовать на несправедливость жизни – и они давно решили этого не делать, но иногда...

Они могли найти себе сотню других занятий, да и у младшего брата Элис было три дочери, так что Джеймсоны часто присматривали за девочками. У старшей из них день рождения совпадал с днем рождения Грега; когда ей исполнялось десять, он потратил целый день, чтобы к семейному празднику установить садовый батут и привязать воздушные шары к ножкам стульев. Это оказалось так утомительно, что, закончив, Джеймсон повалился на коврик. Элис стояла в дверях кухни с чашкой чая в руках и смеялась.

- Проще или сложнее, - спросила она, - чем собирать мебель по инструкции?

Она оставила чашку на пороге и, минуя его, вскарабкалась на батут. Запрыгала, рискуя упасть, с одной ноги на другую.

- Не смей людей, - сказал он.

- Да ну, брось!

Они держались друг за друга, визжали и выдохлись в считанные секунды.

Всем очень понравился батут - для ребятшек, приходивших к ним в гости, он какое-то время неизменно становился центром внимания.

Когда девочки подросли, компания взрослых стала им не нужна, батут заржавел и каждую осень покрывался новым слоем опавших листьев.

Дело Грейси попало к Джеймсону, когда ему исполнилось пятьдесят. Был январь. Шляпу он давно уже не носил. Они с Элис только что вернулись с работы и снимали новогодние украшения. Этот процесс почему-то напрягал его, хотя наряжать дом в декабре ему нравилось. Разбирать елку, аккуратно укладывать игрушки обратно в коробки - для кого это все?

Они сели ужинать. Элис рассказывала о больничных делах, о новом парне их племянницы, о самом ужасном вызове за сегодня - и вдруг раздался телефонный звонок. Его просили срочно вернуться на работу - на совещание по новому делу.

Криминалисты прислали фотоснимки внутренних помещений дома, и главный инспектор «провел» их по всем комнатам.

Вот - тело отца. Здесь, в кроватке - мальчик Г; девочка Б и мальчик Б обнаружены в первой комнате наверху - прикованными. Криминалисты проведут раскопки в саду и исследуют фундамент дома, но это займет много времени. Дети, исходя из характера их травм, распределены по разным больницам; все они истощены, и все, за исключением двух мальчиков, находятся в критическом состоянии.

Семеро детей.

Джеймсон разглядывал снимки – комнаты разные, но везде одно и то же. Грязные ковры, мокрые матрасы, мешки с гнильем.

Он представил Элис – как она в своих очках для телевизора съежилась на диване.

– Звучит ужасно, – проговорила она перед тем, как он ушел. – Я тебя дождусь.

– Не нужно, Элис.

– Я все равно дождусь.

Главный инспектор сказал: у них две главные задачи. Первая – это сохранить улики; вторая – собрать показания свидетелей. Как это произошло; когда детей видели в последний раз; кто их друзья; где их родственники. Медицинские отчеты будут готовы завтра. Мать задержана. Нашлась их тетя, и она, кажется, хочет поговорить.

– Беседовать с детьми пока нельзя, – добавил он, и Джеймсон понял, что этот пункт вызывал разногласия и мнение их начальника было иным.

Джеймсону поручили побеседовать с Пэгги Грэйнджер.

– Через некоторое время вы сможете заняться девочкой А. Детский психолог уже изучает ее дело. Доктор Кэй. Не знаете ее? Молодая, но впечатляет. Мне уже приходилось с ней работать. Некоторые считают, что у нее новаторский подход.

– Девочка А, – повторил Джеймсон. – Та самая, которая сбежала?

Домой он вернулся за полночь.

Элис лежала на диване, горела лампа, а рядом, на ковре, стояли две чашки чая.

– Говорили мне: «Не выходи за полицейского», – пробормотала она. – И ведь были правы.

Джеймсон знал, что она думала об этом весь вечер, подыскивала слова, которые заставили бы его улыбнуться. Он приподнял ее ноги, сел на диван и положил их себе на колени.

– Мне как будто сто лет, – произнес он.

– А выглядишь на все двести семь... Ну как?

– Ужасно.

Элис потянулась, взяла кружку и подала ему.

– И негодяй уже мертв.

– Мне жаль, – сказала она.

– Помнишь, я плакал иногда по ночам? – спросил он. – Я всегда думал, что виной всему те ужасы, которых я насмотрелся. Все худшее, на что только способен человек...

– Ш-ш-ш. Не нужно, не...

– Так вот, – продолжил он. – На самом деле причина не в этом. Я плакал от облегчения, от благодарности. Понимаешь? За нас, за то, как мы живем.

В последующие месяцы он хорошо узнал доктора Кэй. Они вместе провели много часов в больнице, слушая истории худенькой, израненной девочки.

Бывали дни, когда ему становилось трудно даже смотреть на эту девочку и вместо этого он разглядывал свои записи или значки на экранах медицинских приборов – незнакомый, непонятный ему цифровой язык. Но девочка становилась все крепче, и, когда он начинал сомневаться в методах доктора Кэй, в ее выборе того, что озвучить, а о чем умолчать, психолог всегда напоминала ему об этом.

– Девочке А с каждым днем становится лучше, – говорила доктор Кэй. – Она мысленно уходит от того дома все дальше и дальше, и гораздо быстрее остальных. Вы разве не видите?

– Вижу, конечно.

– Тогда позвольте мне продолжать свою работу.

Когда все улики собрали и допросы завершили, его перекинули на другие дела, но он часто спрашивал о детях Грейси и не переставал следить за ходом их дела.

Однажды поздним вечером, когда он уже заканчивал работу, к нему пришла доктор Кэй. Была весна, бледный вечерний свет проскальзывал сквозь жалюзи. Он собирал сумку и уже представлял свою кровать: как она пахнет, постельное белье на ней, немного протертое, как он любил.

Тут же в памяти всплыли кровати на Мур Вудс-роуд. Доктор Кэй ждала его, сидя на дешевом пластиковом стуле, каждый штрих ее образа выпадал из окружающей обстановки: мягкость свитера, очки – «кошачьи глаза», сложенные на коленях руки с гламурным маникюром.

– Привет, Грег. – Она поднялась, чтобы обнять его.

– Кофе? – предложил он, и доктор Кэй кивнула, хотя они оба знали, что этот кофе она так и не выпьет.

Он провел ее в одну из комнат для допросов. Стоящие у стола стулья стояли в хаотичном порядке, как будто комнату покидали в спешке.

– Будь как дома, – сказал Джеймсон.

Стоя у кофемашины, он понял, что боится. Он готовился увидеть Кэй снова только в зале суда, на слушании дела Деборы Грейси. Джеймсон вытацил напиток, прежде чем аппарат закончил работать, и горячая вода обожгла ему руку.

- Как там они все? – спросил он, вернувшись. – Нормально?

Он поставил кофе на стол, доктор Кэй взяла один из теплых стаканчиков и ответила:

- Нормально. Ты, конечно, читал газеты: «О нынешнем местонахождении детей ничего не известно».

- Значит, их уже усыновили, – сказал Джеймсон. – А больше людям ничего и не нужно знать.

Он поднял свой стаканчик и произнес:

- Надеюсь, теперь они будут жить долго и счастливо – все без исключения!

- Одно исключение все же есть, – заметила доктор Кэй.

Она выдохнула и прикрыла глаза руками. Он придвинулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Одна из главных архитектурных достопримечательностей Тосканы. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

2

В данном контексте бенефициары – это все остальные лица, которые получают наследство помимо исполнителя воли.

3

Из послания «К Филиппийцам», 4:19.

4

Здесь имеется в виду убийство Элизабет Шорт, известной под прозвищем The Black Dahlia – Черный Георгин, совершенное в 1947 году. Одно из самых громких и загадочных преступлений в США, которое так и не было раскрыто. Известный автор детективов Джеймс Эллрой на основе этого случая написал в 1987 году роман «The Black Dahlia». В переводе на русский он был издан под названием «Черная Орхидея». Его экранизация вышла в 2006 году. – Примеч. пер.

5

Речь о сюжете из Книги Бытия о том, как Бог уничтожил города Содом и Гоморру за грехи, но перед этим племяннику Авраама Лоту велел взять жену и двух дочерей и бежать прочь. Об этом и гласит 19:17: «Когда же вывели их вон, то один из них сказал: “Спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть”».

6

Last Chance Saloon – популярное в США в XIX веке название баров, располагавшихся рядом с районами, в которых продажа или распитие алкогольных напитков были запрещены. Название бара напрямую указывало, что это последний шанс выпить перед тем, как оказаться в подобном районе.

7

В английском языке буква K произносится как «кей».

8

Раздел молекулярной генетики, посвященный изучению генома и генов живых организмов.

9

Старейший в мире музей, одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете.

10

Обширные луга на берегу Темзы в северо-западной части Оксфорда.

11

Исидой называют участок Темзы от ее истока на возвышенности Котсуолд-Хилс до слияния с одним из притоков в Дорчестере-на-Темзе, в Оксфордшире. Происходит от древнего названия Темзы – Tamesis, которое в Средние века ошибочно считалось сочетанием названия реки – Thame – и имени богини Исиды – Isis.

12

Район в центре Лондона.

13

Хоакин Соролья-и-Бастида (1863–1923) – художник, один из представителей испанского импрессионизма.

14

Игра слов: bad (англ.) – плохой.

15

Morris Marina – маленький семейный автомобиль британского производства, выпускавшийся с 1971 до 1980 гг.

16

Тихоокеанское государство в Полинезии площадью 26 км

.

17

Wayfarer – марка солнцезащитных очков.

18

Отдаленный холм в Сазерленде, на крайнем севере Шотландии.

19

Регион на севере Уэльса, где расположен национальный парк.

Купить: https://telnovel.com/din_ebigeyl/devushka-a

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)